

Марина БОЛДОВА

|| с е м е й н ы й д е т е к т и в ||

Иногда фамильные
тайны несут в себе
и проклятие,
и благословение

Серебряный капкан
для черного ангела

Марина Владимировна Болдова
Серебряный капкан
для черного ангела
Серия «Семейный детектив»

индд предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69181753
ISBN 978-5-17-154790-5

Аннотация

Аглая хотела посадить в своем саду вишенку, а откопала человеческие останки. Но вместо испуга возникло чувство досады на нового соседа – это он накануне подарил этот вишневый саженец. Вдобавок так не вовремя приехавшая дочь не разрешила прикопать находку и вызвала полицию. Настроение Аглаи испортилось еще больше, когда на вызов приехал все тот же сосед, оказавшийся следователем. Подозрение, что теперь недалеко и до беды, подтвердилось буквально следом – в городской квартире дочери был обнаружен труп ее мужа, а чуть позже в аварии погибла ее школьная подруга. На первый взгляд все происшествия никак не были связаны между собой. Но это только на первый взгляд. И никто пока не мог предположить, что за ними стоит давняя история из жизни предков Аглаи Краузе.

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	16
Глава 3	26
Глава 4	36
Глава 5	43
Глава 6	51
Глава 7	62
Глава 8	72
Глава 9	84
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Марина Болдова

Серебряный капкан для черного ангела

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Издание подготовлено при участии литературного агентства «Флоберיום»

Оформление – О. Жукова

© Болдова М., 2023

© ООО «Издательство «АСТ», 2023

|| с е м е й н ы й д е т е к т и в ||

Глава 1

Аглая в изумлении смотрела на только что вывороченный лопатой ком земли: то, что перед ней останки человека, а никак не животного, ей стало ясно с первого взгляда. Аглая испуганно отряхнула землю с лопаты и обернулась на звук шагов. «Берта! Как не вовремя... Значит, находку скрыть не удастся», – с досадой подумала она, помахав идущей к ней дочери.

– Мам, вот ты где! Что делаешь? – Берта подошла совсем близко. – Ого! Вот это сюрприз... Твоя работа? Закопала или откопала?

– Берта! Как ты можешь! – От обиды на дочь у Аглаи выступили слезы. Вот всегда так – ляпнет не подумав...

– Мам, ты только сейчас не делай поспешных выводов, – услышала Аглая спокойный голос Берты. – Он пролежал здесь не меньше двадцати лет, точнее может сказать только судмедэксперт.

– Почему он? Может быть, это – она?

– Он – потому, что труп. Или скелет, как уж назовешь. Полицию ты вызовешь или мне набрать?

– Какая полиция, дочь? – испуганно вскинулась Аглая, внутренне холодея. – Прикопаю обратно...

– Ну, ты, мам, сказала... это – статья 316 УК РФ... Сокрытие преступления, если особо тяжкое, срока давности не

имеет, могут и притянуть за соучастие. А вдруг труп спрятали, когда ты уже жила здесь?

– Не могло такого быть, я бы знала! Да и кто бы это мог сделать? Убить, а потом тело прятать. Даже не думай, убийца в доме точно никогда не водилось. При мне, по крайней мере. Хозяин, сама знаешь, больной лежал, отец твой как-то крысу не смог лишить жизни, а уж человека тем более! Нет, ну взбрело мне в голову именно в этом углу этот чертов вишневый прутик воткнуть?! Выбросила бы, и вся недолга, – подсадовала Аглая, косясь на дочь. – Берта, может все-таки...

– Мама! Я звоню в полицию. – Дочь отошла в сторону.

Аглая подумала, что беспокойная ночь с тревожными снами плавно перешла вот в такое неприятное хмурое утро, и чего же тогда ожидать от самого дня, если не крупной пакости. В мыслях почему-то промелькнул образ нового соседа, странного мужика, который вчера приходил знакомиться. Странность была в том, что Федор Николаевич, как он представился (фамилию Аглая не расслышала, так как пробормотал он ее невнятно, проглотив не только окончание, но и едва выдохнув первую букву: то ли «Н», то ли «М»), в дом войти отказался наотрез. Сунув ей в руки саженец вишни, он, аккуратно наступая на каждую плитку дорожки, прошел к беседке, не спрашивая разрешения сел на скамью и замер. Дорожку эту не так давно Аглая выложила сама: тротуарной плитки было в обрез, она чередовала ее в шахматном порядке с квадратами газонной травы. Получилось бы непло-

хо, если бы трава между плитками за два дождливых дня, сменивших изнуряющую жару, не вымахала ей по колено. На днях Берта, увидев плоды дизайнерских усилий Аглаи, обидно осудила ее старания... Смотреть, как высокий плотный мужик, видимо боясь замочить светлые брюки (трава была еще мокрой), передвигается по клеточкам, словно играя в детские «классики», было смешно. Аглая усмехнулась, но улыбку с лица убрала, как только встретилась взглядом с обернувшимся к ней незнакомцем.

Федор Николаевич молча смотрел из-за прикрытых век. Аглая уже решила, что он ждет от нее каких-то вопросов или действий, может быть, предложения выпить чаю, но тут услышала: «Расскажите-ка мне, Аглая Андреевна, как вам живется в этом поселке?» «По-разному, – осторожно ответила она и все-таки добавила: – А может быть, чаю?» – «Увы, некогда. М-да... хотел по-быстрому обстановку в данном населенном пункте разведать, раз уж мне здесь жить... придется. Но вижу, время выбрал неудачно – поздно уже... А вы вишенку-то воткните завтра где-нибудь в уголке сада, сорт не знаю какой, но сказали, что вкусная ягода будет. Ну, провожайте меня скорее, а то слишком большой искус задержаться на часок-другой. Уютно у вас, ухожено». Аглая не нашлась что на это ответить, молча поднялась и вышла из беседки. «Дружить будем по-соседски, а, Аглая Андреевна?» – повернулся к ней незваный гость, когда Аглая уже хотела закрыть за ним калитку. «Мм... ну... да», – выдавила она из

себя, натянуто улыбнувшись и подумав: «Чур меня...»

– Мам, ты меня вообще слушаешь? Я говорю, пойдем пока в дом, прохладно. – Берта плотнее запахнула ветровку и натянула на голову капюшон. – Что это тебе приспичило дерево сажать в такую рань? Восьми еще нет. Кстати, откуда прутик? Ты на рынок ездила?

– Сосед принес, – нехотя ответила Аглая.

– Да ты что! У нас, наконец, улицы оживают? А надолго он к нам, не сказал? Жить будет или так, на время заселился? Сколько лет мужику, не спросила? Он хоть представился? – закидала ее вопросами дочь.

– Федор Николаевич. Фамилию не разобрала...

– Как это?! – Берта остановилась и с подозрением посмотрела на мать. – А переспросить? Нет? Не удосужилась? Я так понимаю, пустила чужого мужика в дом...

– Не пошел он в дом, отказался! – разозлилась на себя Аглая, признавая правомерность последующей выволочки от дочери за беспечность. Не раз уже получала от Берты с тех пор, как дочь переехала в центр города, так и не уговорив мать закрыть дом и занять одну из комнат ее новой квартиры. Не скажешь же дочери, что зятя невзлюбила... «Ну, не то чтоб невзлюбила, но жить с ним... это чересчур... да...» – уже в который раз подумала она, то ли убеждая себя, то ли мысленно оправдываясь перед Бертой.

– Интересная складывается картина... – Берта резко остановилась и обернулась к ней. – Появляется некто, назвав-

шишь соседом, дарит деревце, ты копаешь землю, чтобы воткнуть саженец, и находишь чьи-то старые кости.

– Дочь, ты можешь выразаться не так цинично, все же там останки человека!

– Ой, мам, ну какая разница! С темы не съезжай, тебе что, странной такая цепь событий не показалась?

– Ты сейчас договоришься до того, что это сосед когда-то закопал в нашем саду труп. Собственноручно. А сейчас вдруг решил проверить – не украли его? Для этого вишенку и подарил. Фу, глупость какая.

– Согласна. Но что-то не так с этим Федором... как его?

– Николаевич... А ты что вдруг в рабочий день ко мне? Я тебя в выходные ждала, – запоздало всполошилась Аглая.

– Я поживу у тебя пока, ладно? – отвела взгляд в сторону Берта.

– Устали друг от друга? – спросила Аглая, получилось, как ей показалось, немного с сарказмом, она смутилась. – Прости... Машину в гараж загони, в город-то не поедешь сегодня?

– Поеду, в два суд. Ксюшка разводится, я у нее адвокатом. Попросила, я отказать не смогла, подруга детства все же. Уговорила ее пойти на мировое соглашение.

«С такой подругой врагов не нужно», – подумала Аглая, зная об однокласснице дочери больше, чем сама Берта.

...Детей из поселка в городскую школу возил микроавтобус. И только одноклассницу Берты Ксению Голод – «Мерсе-

дес», управляемый личным водителем отца. Впрочем, факт, что известный ресторатор Глеб Валентинович Голод – действительно биологический отец девочки, подвергался сомнению не раз. Уж очень непохожей на него была Ксюша. Но поскольку маму ее никто никогда без макияжа и окрашенных в разные цвета волос не видел (возможно, на самом деле это она была обладательницей смоляных кудрей), то разговоры на тему отцовства возникали и стихали на том же вопросе, оставшемся без ответа. Аглаю же волновало лишь то, что капризная и своенравная девица выбрала в подруги ее дочь. Настойчиво напрашиваясь в гости, к себе в дом Ксения Берту не приглашала. За годы учебы ее дочь так и не узнала, как живет «подруга»...

Берта ушла в дом, Аглая же осталась на веранде. Вчерашние тучи, обещавшие дождь, но так и не выдавшие ни капли влаги, угнал в сторону гор северный ветер. Накануне он, точно хулиган разметав по двору скошенную Аглаей траву, холодком проник в открытые окна, отчего в доме всю ночь было свежо. И если бы не тревожные сны, ей, наконец, удалось бы выспаться. Аглая жила на юге двадцать пять лет, а привыкнуть к душному жаркому лету, которое начиналось уже в мае, у нее так и не получилось. Возможно, она бы рискнула вернуться в свой город на Волге, если бы не обещание Дмитрию дождаться его здесь. Умом понимая, что это бессмысленно – каждый вечер с бьющимся от волнения и надежды сердцем заглядывать в почтовый ящик, надеясь най-

ти там письмо, открытку или записку, на худой конец, Аглая упорно выходила за калитку, ключом отмыкала маленький висячий замочек и заглядывала внутрь ящика. Но после того как она отказалась от подписки на газеты, все чаще находила там лишь рекламные листовки. «Агуша, ты только живи здесь, не уезжай. Я переиграю их, слышишь. Пусть через несколько лет, но переиграю. И тогда я смогу вернуться. Ты сразу найдешь в почтовом ящике весточку. Дождешься?» – шептал он ей, прижимая к себе так сильно, что она запомнила из этой последней встречи только эти слова и боль его объятий. Аглая потом долго гадала, кто такие эти загадочные «они». И ждала той самой весточки. Сама порой не понимая зачем ждет...

Аглая подложила в самовар щепки и еловые шишки, с помощью кирзового сапога раздула огонь. К чаю «с дымком» ее приучил муж.

«Намутил-таки всерьез любимый Олежек или терпение у Берты закончилось? Ведь не расскажет ничего, можно и не спрашивать. Интересно, она вещи забрала? Если все, то ушла от него надолго. Или навсегда? И мне непонятно – почему из собственной квартиры всегда бежит она, а не выгоняет его?» – Аглая вопросительно посмотрела на дочь, которая застыла в дверях, словно раздумывая, не вернуться ли в дом.

– Расскажу позже. Да, мам, Олег накосячил. Да, не прощу. Знаю, ты предупреждала. Закрыли тему? – Аглая пожа-

ла плечами. – Я не завтракала, кстати, а ты и не спросила, – обиженно заметила Берта.

– В холодильнике олады, разогрей. Чаю налью. Хочешь кофе, свари сама, – спокойно отозвалась Аглая, понимая, что на самом деле укоризненный взгляд дочери относится не к теме завтрака. Не нравится ей, что мать уже в который раз просчитывает шаги зятя наперед. Полгода назад Берта уже возвращалась домой. «Вещи не торопись раскладывать по полкам, твой муж вечером за тобой примчится. А ты его простишь, дурочка», – предупредила она тогда дочь и быстро покинула комнату Берты, чтобы не слышать ее гневных возражений...

– Добрая ты, мам... а я тебе вообще родная? Или к порогу подбросили? – спросила Берта вроде бы в шутку, но Аглая насторожилась. Что? Что она как мать делает или говорит не так?

– С чего вдруг такие вопросы? Завтракать не предложила? Так ты здесь такая же хозяйка, как и я. Не в гостях ты здесь, дочь, а дома...

Берта, ничего не ответив, ушла.

«...Ты меня не любишь! Заставлять ребенка стирать руки носки бесчеловечно! Каждый день я их тру, тру!» – кричала ей восьмилетняя Берта, слизывая слезы со щек и натирая хозяйственным мылом пятку белого носка. «Так у тебя их три пары, а в школу ты ходишь пять раз в неделю», – спокойно объясняла ей она. «Так купи еще носочков... нет, нос-

ков... три пары, нет, четыре», – уже тихо просила дочь, а Аглая едва сдерживалась, чтобы не сорваться. Ну не может она сейчас ничего купить! В кошельке только мелочь на хлеб, а до получения выплаты по договору еще неделя. И просить она не умеет...

Аглая смотрела на дочь, которая с тарелкой разогретых блинчиков вышла на веранду. Красота Берты была броской, яркой. Контраст волос цвета колоса пшеницы и темно-коричневых, почти черных бровей и ресниц не мог не притянуть взгляд. В школьные годы ее светлая кожа, тронутая на щеках нежным румянцем, летом покрывалась слабым загаром – Берта обычно забывала наносить защитный крем. Благодаря этому в сентябре она не так сильно выделялась среди одноклассников, которые на каникулах каждые выходные ездили с родителями к морю и первого сентября приходили в школу загорелыми почти до черноты. Аглая же море не любила, заразив этой нелюбовью и дочь. Сейчас Берта старательно пряталась от солнечных лучей, но на лице все равно стали появляться мелкие веснушки, почти сливавшиеся с тоном кожи...

– Вкусно? Садись. – Аглая кивком указала на стул. – Ты не ответила на мой вопрос, Берта.

– Не бери в голову, мам. Конечно, я не подкидыш, знаю. Расстроена в хлам, вот и лягнула...

– Ну, да... лягнула... а я думай чем не угодила.

– Прости... О! Полисмены пожаловали. – Берта с высоты

веранды смотрела в сторону забора. – Аж две машины. Впусти их, мам, я хотя бы оладушки доем.

– Зря ты их вызвала! Проблем теперь не оберешься, – с вновь вернувшейся досадой произнесла Аглая и, не оглядываясь, пошла к калитке.

– Здравствуйте, Аглая Андреевна. Жаль, что продолжение нашего знакомства происходит при таких неприятных обстоятельствах. Представлюсь вам по-новому. Старший следователь Следственного комитета, майор юстиции Мутерперель Федор Николаевич. Ну, показывайте, что вы там на огороде откопали.

«Вот она, крупная пакость. Мне только соседа-мента не хватало. И так полжизни как за колючей проволокой. То есть за высоким забором. Только и слышала от мужа: молчи, не знакомься, избегай расспросов... Лев умер, а привычка прятаться от людских глаз осталась. И страх никуда не ушел. А теперь и надзиратель есть свой, личный. Участок Мутерпереля на пригорке, наш двор – как на ладони. Ох ты ж... засада! Как же я не подумала – он мог видеть, как я труп откопала!» – сообразила Аглая, шагая впереди нового соседа.

Глава 2

Она чувствовала его взгляд затылком – майор отставал от нее всего на шаг-другой, спасибо, что не наступал на пятки. Аглая сама не понимала, почему так раздражена: дочь, как бывало довольно часто в последнее время, вновь оказалась разумнее ее в принятии решения. Радоваться бы, что Берта наконец повзрослела, от ее затянувшегося подросткового самодурства Аглая подустала, но смутное беспокойство о дочери не давало порой заснуть полночи. И ладно бы, если б тревога была беспочвенной. На следующий день выяснялось, что Берта накануне получила очередную порцию унижений от мужа. Нет, дочь никогда не жаловалась, но оправдывать его поведение стала все же реже. То, что причиной всех ее бед, метаний, слез и даже застопорившейся карьеры является Олег Крушилин, бизнесмен без дела, склонный к бабским истерикам красавчик с нежными чертами лица, выращенный бабушкой, матерью и старшей сестрой эгоист, Аглая не сомневалась. И еще она была абсолютно убеждена, что брак ее дочери и «Олежека», как с детства его называли в домашнем бабьем царстве, заключен был по какому-то глупому недоразумению, ошибке небес – перепутали что-то там ангелы-хранители Берты, подсунули не того мужчину, которого и мужчиной можно назвать с натяжкой. Именно подсунули ее девочке, рано потерявшей отца, так и не узнавшей,

как это – когда тебя берегут и балуют просто потому, что любят... «О чем думаю?» – вдруг спохватилась Аглая и оглянулась: вереница не улыбочивых мужчин тянулась за ней строго по плиточной дорожке, ведущей в конец огорода. Ни один не свернул на грядки. Замыкала молчаливое шествие Берта.

Кивком указав место раскопок, Аглая отошла в сторону. В этот угол огорода она навевывалась считанные разы, впервые – на следующий день после свадьбы: муж решил показать ей все уголки хозяйских владений. Тогда она думала, что уж точно не станет возиться в земле. Аглая родилась и выросла в центре Риги, никаких дачных участков у их семьи не было, отпуска родителей семья проводила в Юрмале. Аглая так и не смогла привыкнуть к гальке и булыжникам на пляжах южного побережья именно потому, что с тоской вспоминала нежный песочек цвета перьев канарейки на рижском взморье...

Муж в тот жаркий день водил ее между грядками, с восторгом объясняя, где и что посадил, чем подкормил, какую войну ведет с бешено растущей на благодатной почве сорной травой. Аглая же мечтала, наконец, уйти в тень, куда-нибудь под старые могучие деревья, которые окружали дом. Она даже не стала делать вид, что экскурсия ей нравится. Муж, заметив это, оборвал себя на полуслове, молча развернулся на тропинке между грядками и быстро пошел вперед. Аглая с облегчением поспешила за ним, испытыв лишь минутное сожаление – начинать семейную жизнь с обид все же не стоило.

Ее любимым местом отдыха стала сосна, точнее – скамья под ней. Беседку на этом месте Лев построил позже...

Недолго понаблюдав за криминалистами и придя к выводу, что работы им здесь не меньше чем на час, а от нее пользы нет и не будет, Аглая решила тихо уйти. «Нужно будет ему от меня что-нибудь, сам подойдет, – подумала она о следователе. – Ну вот же «фамилечко» Бог дал... Мутерперель... что хоть означает? «Перл»... – жемчужина... А «мутер»? Мать? Море? То есть «мамина жемчужина»? Или «морская жемчужина»? Красивое сочетание... Но в любом случае это не про майора. Вот Олежеку бы такая фамилия в самый раз», – усмехнулась она и вздрогнула от послышавшегося совсем рядом голоса:

– Аглая Андреевна, предположений, кто бы это мог быть там прикопан, никаких нет? – Майор, придерживав ее за локоть, смотрел иначе, чем вчера. Аглая насторожилась – подозревает, что ли?

– Никаких. За двадцать пять лет жизни в этом доме я не наблюдала ничего криминального. Сначала хозяин, потом и мой муж умерли своей смертью, похоронены на сельском кладбище. Мы с дочерью жили замкнуто, гостей принимали редко.

Они уже почти дошли до беседки, когда мужчина наконец ослабил хватку. Аглая непроизвольно потеряла локоть.

– Простите. Побоялся, оступитесь: плитка неровно уложена. Что вас в такую рань в эту часть огорода потянуло?

– Ваш презент определить, Федор Николаевич. Или уже забыли, что саженец вчера подарили? Да еще и посадить в уголок посоветовали. Утречком. Все выполнила, как приказывали, – не смогла удержаться от сарказма Аглая. – А вот дочь решила, что есть что-то такое странное в этой цепи событий: ваш поздний визит, несвоевременный подарочек...

– Почему... несвоевременный?!

– На юге вишню сажают в начале апреля, не знали? Сейчас июнь.

– Да бог с ней, с вишней. Что там в конце вашей... цепи?

– То, что это вы когда-то спрятали там тело, а теперь решили проверить – а не сбежало ли оно? – не пощадила Аглая майора, теперь смотревшего на нее с ужасом.

– А... я вам вчера координаты точные дал, где прутик воткнуть?! Что вы обе напридумывали? Дочь ваша – сказочница?

– Дипломированный юрист. Адвокат! – с гордостью ответила Аглая.

– Понятно. Ей бы детективные истории сочинять. – Он осуждающе покачал головой. – А поделитесь-ка со мной, Аглая Андреевна, как вы оказались на юге? Знаю, место вашего рождения – город Рига.

– Вышла замуж...

– Давайте присядем в беседке, – остановил он ее. – Опросить я вас обязан, не возражаете против записи на диктофон? Поскольку дело давнее, трупу, простите, лет двадцать,

а вы уже, считай, старожил в доме, начните рассказ с самого первого дня как приехали. И с подробностями продвигайтесь к дню сегодняшнему.

– В тысяча девятьсот девяносто седьмом году я вышла замуж за Льва Лапина. Он работал в доме Марковых кем-то вроде управляющего, хотя выполнял обязанности и садовника, и электрика, и сторожа. Осип Макарович, старый хозяин, в то время передвигался с трудом, а через год уже не вставал с инвалидного кресла и почти ничего не видел. Похорошему, ему нужна была квалифицированная сиделка, но он почему-то наотрез запрещал Льву и сыну Дмитрию приводить в дом посторонних. Я не знаю, чем угодила хозяину в первый же день – по образованию я педиатр, к тому времени два года отработала в детской поликлинике, а тут взрослый мужчина. Наверное, в какой-то степени болезнь сделала его ребенком, и мой подход оказался верным. К тому же я быстро стала не посторонней, а женой единственного человека, которому он доверял.

– Вы имеете в виду Льва Лапина?

– Да. Лев имел на Осипа Макаровича какое-то необъяснимое влияние. Только с ним хозяин дома забывал о капризах и недовольстве. Все, что бы ни сделал Лапин, воспринималось, я бы сказала, с покорной благодарностью. По-моему, это удивляло не только меня, но и сына Маркова.

– Дмитрий часто навещал отца?

– Нет... он жил в другом городе.

– В Самаре?¹ Откуда приехали и вы, Аглая Андреевна? Знакомство с будущим работодателем состоялось там же?

– Нет, впервые с Дмитрием Марковым я встретила здесь, – чуть запнулась Аглая. – Вижу, уже изучили мою биографию. А вы, господин майор, всегда заранее собираете dossier на будущих соседей? Не дай бог окажутся неблагонадежными? – разозлилась Аглая.

– У вас с мужем большая разница в возрасте, – не ответил Мутерперель ни на один из ее вопросов. – Влюбились?

– Это такая важная информация для вас, Федор Николаевич? В рамках раскрытия преступления? Или я могу промолчать? – Аглая не смогла скрыть раздражения.

– Можете не отвечать, – равнодушно изрек майор. – Продолжайте. Много ли гостей бывало в доме? Кто убирался, готовил?

– Из соседней станицы приходили две родные сестры – Алевтина и Анна Петренко. Аля, старшая, готовила еду. Ну, а Нюра убиралась. В доме они не ночевали никогда, таково было условие хозяина.

– Ваши обязанности?

– Я стала сиделкой, – просто ответила Аглая. – Вы спрашивали о гостях... При мне никто из посторонних, кроме сестер и врача, не переступал порога дома. Возможно и были визитеры, но к калитке на звонок всегда выходил муж.

– Вам знакомо это кольцо? – Майор извлек из кармана

¹ До 1991 года – Куйбышев.

куртки полиэтиленовый пакетик и положил перед ней на стол. – Посмотрите внимательно.

– Нет, раньше не видела. Похоже, мужское?

– Похоже... Надето было на безымянный палец левой руки... Думаете, труп был в разводе?

– Не обязательно. Человек... – Аглая сделала паузу, – мог носить его как память или просто так.

– Ну, да... человек, конечно же... Когда умер Осип Маркович Марков? Точную дату назовете?

– Двадцать седьмого апреля двухтысячного года. Он страдал рассеянным склерозом, а точнее – оптикомиелитом, при котором поражаются зрительный нерв и спинной мозг.

– А ваш муж?

– Лев Лапин скончался семнадцатого января следующего года. Осложнения после перенесенного гриппа.

– Дмитрий приезжал на похороны отца?

– Конечно, – коротко ответила Аглая, боясь выдать голосом страх. «Да, я боюсь этого майора. И объяснить толком, почему так, не смогу. Ну уж точно не из-за того, что внешне похож на цыганского барона. Не на простого цыгана, а именно на главного в стае. То есть в таборе. Только для полноты образа ему не хватает на шее массивной золотой цепи с крестом величиной с ладонь. А так все при нем – и очи черные, и нос с горбинкой, и взгляд наглый. Если бы волосы не стриг почти под ноль и кудри бы вились. Страх мой откуда-то из глубины памяти идет, словно уже был этот человек рядом...

но нет, я его не знала до вчерашнего дня. Абсолютно в этом уверена!» – подумала Аглая, а в памяти вдруг всплыли события из жизни в Самаре.

...Она до сих пор не знает, живы ли те, кого Дмитрий Марков сдал тогда, в девяносто седьмом, милиции. С его слов, взяли троих, в том числе и гражданского мужа Аглаи Станислава Осокина. Тогда от ее болезненной любви к Стасу осталось лишь сожаление о том, что он вообще встретился на ее пути и как-то очень быстро вторгся в повседневную жизнь Аглаи, а именно – в скромный быт в однушке не в лучшем районе Самары, «подсадив» Аглаю, вечно голодную студентку мединститута, на вкусные ужины и плотные завтраки, которые готовил каждый день. Он не работал официально, крутился, как и многие в те смутные девяностые. Аглая не спрашивала, откуда на блинчиках черная икра, а в старом бабушкином серванте – дорогой коньяк. Не задумывалась, почему ее сокурсницы ходят в перешитых из старья шмотках, а она – в дорогой одежде из бутиков. Не обращала внимания на косые взгляды бывших подруг, соседей-пенсионеров, которые знали ее еще в те времена, когда была жива бабушка: школьницей два месяца летних каникул Аглая проводила у нее. Она была влюблена в Стаса, мир замкнулся на нем, и если бы не обещание родителям получить диплом, она бросила бы и учебу. В детскую поликлинику по окончании мединститута ее устроил тоже он. Они были вместе почти шесть лет, надоев друг другу до чертиков. В последнее

время Стас изменял ей, не скрываясь, она брезгливо-равнодушно отдалилась от него, позволяя ночевать на кухонном диване – собственной квартирой он так и не обзавелся. Их не связывало ничего, кроме памяти о нерожденном ребенке – когда она училась на четвертом курсе, он убедил ее сделать аборт. Манящая мужская харизма Стаса исчезла, он как-то поистрепался внешне, обрюзг и полысел. Все чаще одалживая у нее мелкие суммы, Стас со временем перестал их возвращать. Случайно Аглае стало известно, что он – игрок. Аглая готовилась к решительному разговору, даже подыскала для него пару вариантов недорогой аренды жилья, но однажды его арестовали. Обыск в квартире проводили в ее присутствии, но Стаса увезли раньше. Она сидела за кухонным столом, думала почему-то о том, что испорчен ее единственный среди рабочей недели выходной – пятница, а планы были... да, какие-то были, нужно только вспомнить. Или не нужно? Все равно уже ничего не исполнится, что бы это ни было. Вопрос молодого человека в гражданском Аглая поняла не сразу. О каких документах идет речь? Нет у нее в квартире ни сейфа, ни тайника! И не разбирается она, медик, в векселях и авизо. «Шли бы вы, офицер... вон со своим Осокиным!» – вдруг озлобилась она, вскочив со стула и указывая в направлении входной двери. Парень сверкнул на нее черными глазами, а Аглая замерла от страха. «Повестку получите позже, Аглая Андреевна», – произнес он с угрозой, развернулся и вышел вон...

«Глаза! Ну, конечно, это же... он! Господи, откуда?!» – Аглая вдруг поняла причину своего страха. Да, фамилию того милицейского офицера она не спросила, удостоверения не видела. Повестка так и осталась лежать на полке в серванте. Третьего июля (в день, указанный в повестке) она уже ехала в поезде на юг.

– Вижу, узнали. Да, Аглая Андреевна, мы с вами встречались четверть века назад в вашей самарской квартире. Кстати, из-за вашего поспешного бегства я тогда схлопотал выговор от начальства.

– И что же вас привело сюда на старости лет?

– Так сложились обстоятельства, – сухо ответил Мутерпель, отведя взгляд. – Только не надумывайте себе лишнего. Вернемся к нашей беседе. Давайте-ка вы скажете правду: где и при каких обстоятельствах познакомились с сыном бывшего хозяина этого дома Дмитрием Марковым.

Глава 3

«Врать бессмысленно, за ложные показания можно и статью получить... а я показания даю или любопытство майора удовлетворяю? Это же не допрос? Уголовное дело не возбуждено. Пока...» – все еще колебалась Аглая.

– Я вам помогу немного. С Дмитрием мы знакомы с детства. Сосуществовали наши родители, – он кивнул в сторону своего дома. – Более того, дружили. Правда, с Димой наши пути разошлись сразу после окончания школы. Пока это все, что вам нужно знать. Так как?

– Дмитрий Марков пришел ко мне домой поздним вечером того дня, когда вы арестовали Осокина, и честно признался, что Стаса и еще двоих подельников сдал он. Я мало что поняла из его объяснений: какая-то мошенническая схема с поддельными банковскими векселями на огромные суммы. Сказал, что его принудили участвовать в липовой сделке шантажом, но о каком компромате идет речь, даже не заикнулся. Честно, мне тогда было не до него, я обдумывала, как лучше обставить свое бегство в Ригу. Встречаться с вами, Федор Николаевич, в официальной обстановке мне совсем не улыбалось.

– Чего же вы так боялись, если не были в курсе дел Станислава Осокина? По сути, вы уже не состояли в отношениях. Кстати, почему не выгнали его взащей после того, как он

стал открыто вам изменять?

– Какие подробности моей личной жизни вам известны, господин майор, откуда только?

– Из допроса Осокина. Он всячески доказывал, что вы ни о чем не знали, просто по доброте душевной не могли отказать в приюте.

– Да, именно так!

– Хорошо. Хотя бы с вами он повел себя порядочно, мог бы и притянуть до кучи. Ладно, с Осокиным все ясно было с самого начала, вернемся к Дмитрию. Он пояснил, зачем пришел к вам?

– Нет... четкой причины не назвал, вначале сказал только, что был знаком со Стасом. Каково было знакомство, выяснилось позже. Я поняла тогда, что мы оба, получается, вроде как жертвы Осокина. Это меня, конечно, немного успокоило.

– И вы доверились первому встречному...

– И не пожалела об этом! Дмитрий предложил мне переехать сюда, чтобы ухаживать за его больным отцом. Он знал, что получит срок за участие в подготовке этой схемы, и не был уверен, что наказание окажется условным.

– И вы согласились вот так все бросить и уехать к незнакомым людям?

– Да, согласилась. Потому что вернуться в Ригу я могла только в родительскую квартиру, которую сдавала приличной молодой паре. Выгнать их было бы непорядочно. Да

и что мне делать в давно ставшей для меня чужой стране? Дмитрий предложил хорошую оплату услуг сиделки, почему бы не решить проблему махом – получить и жилье, и работу. Поехать со мной он не мог, был, как объяснил, под подпиской. Он связался с Лапиным, Лев встретил меня на вокзале краевого центра и привез сюда. Да, было страшновато, но оставаться в Самаре стало бы безумием.

– Зря вы так. Вас никто не собирался привлекать к делу как соучастницу. Или вы опасались не только нас? Постойте-ка... вам угрожали?

Аглая молчала. Показать Мутерперелю, что она и сейчас боится? За себя, а особенно – за Берту. Что до сих пор вздрагивает от громкого стука в калитку? Все эти двадцать пять лет! И все из-за одного позднего звонка на городской телефон в день ареста Осокина. Тихим голосом ей посоветовали... сдохнуть. С легким смешком уточнив, что не буквально – умереть физически, а молчать как мертвой. Или лучше обратиться к родителям. Она тогда так и не поняла: тот, кто звонил, не знал, что их уже два года как нет на этом свете? Или все же... знал?

– Да, мне позвонили и настоятельно посоветовали уехать, – ограничилась Аглая коротким ответом. – Собственно поэтому предложение Дмитрия показалось мне таким своевременным, – добавила она.

Майор задумался, по выражению лица можно было предположить, что он чем-то недоволен, так, мелочью: понял,

принял и забыл, если бы не застывший вдруг взгляд, каким Мутерперель уставился куда-то поверх ее головы. За спиной Аглаи находился один из деревянных столбов, на которых держалась крыша беседки, а дальше – ствол сосны. Что мог там узреть майор, осталось для Аглаи загадкой.

– Ночью я собрала вещи, утром Дмитрий отвез меня на вокзал, – решила она прервать паузу.

– Что он о себе рассказал?

– Кроме того, что влип в плохую историю, ничего, – вновь слукавила она, по-прежнему считая, что ее отношения с Димой майора никак не касаются.

...Аглая, прощаясь с Дмитрием у вагона поезда, знала, что муторно на душе не из-за того, что произошло за последние сутки. Она не хотела оставлять Диму. Да, понимала, что рано или поздно он приедет к отцу, она будет ждать, хотя тогда еще никаких обещаний не давала. Ведь согласившись на переезд, думала о том, что никто не сможет ее удержать возле старика со скверным характером, если что-то ее будет не устраивать. Хотя бы в мелочах. Хватит, Осокин выбрал весь запас ее терпения, в новой жизни Аглая сама будет решать, с кем жить и как. Дома она и слушала-то Дмитрия вполуха, а он говорил, говорил... словно прорвало. Да, так и случилось – остановиться не смог, признался он позже, прижимая ее руку к своей щеке и целуя ладонь... а она даже не пыталась отстраниться. В один момент Аглая вдруг опомнилась: перед ней человек, которого она знает... да...

уже два часа, тридцать восемь минут. «Агуша, я тебя утомил своей болтовней?» – испуганно вскинулся Дмитрий, но руку не отпустил. «Агуша... для родителей я всегда была Аглая, только бабушка так меня называла», – с удивлением подумала она, без стеснения разглядывая его лицо. Вообще некрасивое. Крупные черты, широкие скулы и высокий лоб. Волосы с проседью, седые волоски Аглая заметила и в бровях. Ресницы почти бесцветные, а вот цвет глаз она так и не поняла какой – рыжей радужки не бывает, конечно, но у него – такая. Или это бабушкин оранжевый абажур отсвечивает? «Мне уйти?» – услышала она. «Нет, остаться!» – резко приказала Аглая, вдруг испугавшись. Как потом все случилось? Это она разве вела его за руку к кровати? Не может быть! Они знакомы... три часа и четырнадцать минут! Она вообще так не может – тащить мужчину в постель! Это он должен! Что должен? Ухаживать-добиваться? Цветы-театры-подарки? А времени у них на это нет: скоро поезд, а потом неизвестность... «Бабушка, прости, все твое воспитание насмарку. Уж так получилось...» – в какой-то момент мысленно раскаялась Аглая, но сама поняла, что получилось фальшиво: ну – нет, ни о чем не сожалеет. Лишь о том, что скоро предстоит расстаться.

– Вспоминайте вслух, пожалуйста, Аглая Андреевна. Я мысли читать не умею, – вернул ее к действительности майор.

– И это очень кстати, – невежливо огрызнулась Аглая.

Берта как юрист прекрасно понимала, что следователь начнет копать в их с мамой прошлом – найденному скелету пара десятков лет, хотя может и больше, точнее покажет экспертиза. Она дождалась, пока все останки были извлечены из земли, и только тогда неторопливо пошла в сторону дома. Полчаса назад Берта наблюдала, как за матерью резво рванул майор, как схватил ее за локоть, словно боялся, что она убежит. Усмехнувшись, подумала об одном – Мутерпель чем-то похож на раскормленного вопреки советам заводчика черного дога, который настороженно приглядывается к любому встречному, но кусать не торопится, ожидая команды хозяина. Или из-за лени – это же надо встать с лежанки, обнюхать пришельца, гавкнуть, предупреждая, а уж потом... Да, Берта невзлюбила майора, только услышав о нем. От него исходила угроза, она это чувствовала, но объяснить, чем его вторжение сможет помешать их с мамой мирному существованию, не могла. Ну, не он же, в самом деле, прикопал на их участке труп! Однако как-то уж очень вовремя следователь поселился по соседству. Дом на пригорке, насколько она помнила, пустовал всегда. И честно сказать, так себе домик – бревенчатый, с небольшой мансардой под серой черепичной крышей. Старый дом, заросший сад, за которым долгие годы не было ухода. Общий с их участком забор – сетка

рабица, только фасад закрыт штaketником. «Интересно, зачем майору эта развалюха? Или прикупил хату, на которую денег хватило? Так в поселке, поскольку теперь здесь городская прописка, земля недешево стоит, в соседней станице за эти деньги можно приобрести вполне симпатичный кирпичный дом с удобствами и таким же по величине земельным участком, как у нас. То есть, получается, стремился мужик именно сюда... А вдруг это его родовое имение? Позвоню-ка я Ритке, в администрации точно знают, купил он недвижимость или в наследство получил», – решила Берта, достала из кармана ветровки телефон и отыскивала контакт бывшей одноклассницы Маргариты Ароновой, ныне Семенюк.

– Рита, привет. Не рано звоню? А, слышу, твои галдят, – искренне рассмеялась Берта, обожавшая молодую поросль четы Семенюк: Егора и Юльку. – Ты в контору к которому часу? Да, поняла. Подойду к девяти, уделаешь минут десять? Договорились.

Берта была уверена, что к началу рабочего дня о найденных на их участке человеческих останках будет знать весь поселок.

Она было свернула к беседке, где расположились майор и ее мать, но передумала. То, что Мутерперель с расспросами доберется и до нее, сомнений не было. Только что она может рассказать о своем раннем детстве? Берте едва исполнилось четыре года, когда они с мамой остались вдвоем. Собственно, и о жизни с отцом она почти ничего не помнила. Так, об-

рывки каких-то событий, самое яркое из которых: он строит беседку, Берта, сидя на пеньке, баюкает куклу, едва не засыпая сама. Негромкий стук в калитку отвлек ее от куклы, она посмотрела на отца – он был явно напуган. Испуг этот передался и ей. Отец приказал идти в дом, а сам направился к калитке. Берта обернулась, стоя уже на крыльце – рядом с отцом топтался какой-то незнакомый бородатый мужчина. Она почему-то ничего не сказала матери, спокойно съела тарелку супа, который налила ей кухарка Алевтина, и ушла спать. Разбудили ее голоса родителей, те явно ссорились, что очень напугало девочку – такое при ней было впервые... А еще ей запомнились похороны отца. На кладбище ее не взяли, но в памяти осталась картина: в открытые ворота выезжает черный микроавтобус. А она вдруг впадает в истерику, молотя по оконному стеклу и громко плача. Ей кажется, что в доме ее оставили одну, уехали все туда, откуда не возвращаются. На крик прибегает Алевтина, снимает ее с подоконника, уводит на кухню, усаживает за стол и ставит перед ней чашку любимого какао. «Мама не останется там, с папой? Вернется ко мне?» – спрашивает Берта. «Ну, конечно же, малышка. Мама твоя жива и здорова», – успокаивает ее кухарка.

«А вот о том, кто приходил тогда, кого отец так испугался, мама так и не рассказала. А я спрашивала не раз! Еще эта ссора... Мама знала гостя, можно не сомневаться. Впрочем, какое это сейчас имеет значение?» – Берта, зайдя в дом, бросила взгляд на настенные часы. Они показывали без четвер-

ти девять. До центра поселка пешком пять минут, Рита, возможно, приедет пораньше, можно выдвигаться уже сейчас.

Громкость звонка ее мобильного была уменьшена до минимума, но Берта почувствовала вибрацию телефона в кармане.

– Слушаю, – не посмотрев на экран, ответила она. – Да, я – Берта Львовна Крушила. Олег – мой муж. Что случилось? Что?! Да-да, я слушаю... Хорошо, буду в течение часа.

Берта сначала рассмеялась. Но смех тут же перешел в плач, она вышла на крыльцо, села на ступеньку и тут завывала в голос. Сквозь слезы она видела, как к ней от беседки бежит мама, за ней – майор. Откуда-то накатила злость, она вскочила и бросилась им навстречу. Оттолкнув мать, Берта вцепилась в куртку Мутерпереля и, глядя мужчине в глаза, начала трясти его.

– Откуда вы только взялись, майор?! Что вам от нас нужно?!

– Берта! – все же услышала она тихий удивленный возглас матери.

– Берта Львовна, возьмите себя в руки и расскажите, что вас так расстроило, – приказным тоном велел следователь. – А потом будем решать, я ли виноват в ваших бедах.

– Вы! Как только вы вторглись в нашу с мамой жизнь со своим вишневым прутиком, тут же появился труп! И... еще один, – уже спокойнее добавила она и словно очнулась – что делает?! Берта отпустила куртку Мутерпереля и шагнула в

сторону.

– Быстро поясните, о каком втором трупе идет речь! – зло потребовал майор.

– В квартире обнаружили мертвого Олега, мама. Мне сейчас звонил следователь. – Берта смотрела только на мать.

– Кто такой Олег? Кем вам приходится, Берта Львовна? – задал новые вопросы майор.

– Олег Крушилин – муж моей дочери, – ответила за нее мать.

– А я утром ему сказала, что, лучше бы он умер... Это я его убила! – прошептала Берта, вновь заливаясь слезами.

– Никогда не берите на себя лишнего, Берта Львовна. Будем считать, вашего признания я не слышал, – строго осадил ее Мутерперель.

Глава 4

– Вы водите машину? – услышала Аглая негромкий вопрос, обращенный к ней.

– Уже давно нет, – почти не соврала она. – А Берте сейчас нельзя за руль, вы же видите. Что делать? Ей в город нужно, наверное, – так же тихо ответила Аглая.

– Я отвезу вас обеих, собирайтесь, – распорядился Мутерперель. – Ну же, очнитесь, Аглая, дочери капель дайте каких-нибудь, успокойте! И давайте-ка поторопимся, у меня времени не так много.

– Обойдемся без вас. Я вызову такси!

– Господи, как с вами трудно-то, женщины! Собирайтесь, я сказал! – с досадой выдал майор. И прозвучало это так искренне, Мутерперель выглядел таким обиженным, что Аглая не смогла удержать улыбку. Слава богу, он этого не увидел – уткнулся в экран своего мобильного.

Аглая подошла к Берте, вновь устроившейся на ступеньке. Дочь сидела сторбившись и обхватив себя руками. Острая жалость к ней словно упаковала сердце Аглаи в ком ваты, она сделала глубокий вдох и медленный выдох. «Не плачет, уже хорошо. Грех так думать, но Олежека мне не жаль. И она забудет этого подлеца. Еще бы как-то от влияния Ксюши Голод избавилась. Или пусть идет своим чередом? Когда-нибудь Берта узнает, что муж изменял ей именно с «подругой»,

и сама избавится от нее. А я не окажусь, как это обычно случается, крайней», – подумала Аглая и дотронулась до плеча дочери:

– Берта, поедем. Федор Николаевич отвезет нас в город.

– Да, спасибо ему. Мам, ну как так? Кому было нужно лишать жизни Олега?

– Почему ты решила, что его убили?

– Не знаю... тот, кто звонил, сказал, что найден труп. Не от болезни же Олег скончался? Я оставила его абсолютно здоровым, правда, в легком неадеквате.

– Ты о чем?

– Он вернулся домой под утро, то ли еще не протрезвев, то ли под наркотой. Но в целом соображал неплохо, на ногах держался.

– И давно он колется, Берта? Почему не говорила?

– Господи, мама, не колется он! – раздраженно прервала Берта. – Так, какой-то дурью балуется. Ему это как слону дробинка, для куража. Олега убили, точно. Я сейчас поняла, почему так решила. Тот, кто мне звонил, представился следователем Следственного комитета, значит, труп – криминальный. Заведут уголовное дело. Господи, я же, наверное, последняя видела его живым! Мы ссорились и орали друг на друга так, что слышно было всем соседям. И по всему выходит, что я – главный подозреваемый!

– Вот опять вы на себя наговариваете, Берта Львовна! Лучше поторопитесь, даю на сборы не более пяти минут, жду

в машине. – Мутерперель развернулся и направился к калитке.

Аглая на удивленный взгляд дочери лишь пожала плечами и зашла в дом.

* * *

Берта, сидя на заднем сиденье джипа майора, молчала всю дорогу, даже кивком не реагируя на вопросы матери. А та время от времени оборачивалась, тревожно глядя на нее, и спрашивала коротко: «Дочь, ты как?» Беспокойство ее было объяснимым – видимо, вот так, с ходу, матушка допустила мысль о возможной виновности дочери. «Что ж, все как обычно. И в школьные годы она считала меня виновницей конфликтов, хотя булили меня. Я вроде как пострадавшая, а только и слышала «сама виновата». Убей, до сих пор не знаю, в чем?» – вдруг вспомнила о школьных обидах Берта. Ее не били, нет. Только «забывали» пригласить на тусовки, при ней замолкали разговоры, от нее не отворачивались, хотя отходили молча, не обзывали, не травили, а она чувствовала себя изгоем – ей не доверяли. Знала, что это из-за дружбы с Ксюшей Голод, но из упрямства садилась с ней за одну парту. Ксюшу ненавидели, а Берте было ее жаль – их объединяло сиротство. Берта потеряла отца в раннем детстве, Ксения не помнила своей матери совсем. И Берта думала, что вся ее спесивость и высокомерие – самозащита. Повзрослев,

она поняла, что ошибалась в главном – ее подруга вовсе не страдала от отсутствия матери, была избалована отцом и няней, ловко манипулируя ими. И ею, подругой. Вот и сегодня Берта как адвокат будет защищать ее интересы: муж Ксюши, наивно полагая, что брак их заключен по любви и вечен, практически все свое имущество и прибыльный бизнес записал на нее. Правда, имеется еще брачный договор, в котором прописано, что после развода все делится между супругами поровну. Чем и воспользовалась подавшая на развод Ксения, претендуя на свою законную часть. Единственное, что удалось Берте (а к Павлу Дорохову она относится с симпатией и уважением) – добиться от Ксюхи подписания досудебного мирового соглашения, условия которого предложил Павел. Так что сегодняшний суд – формальность.

«Все! Это дело – последнее, где я ей помогу. И заплатит она мне всю сумму по договору, чтобы стало ясно, что никаких тут дружеских бесплатных услуг... Как же все-таки Олега убили? – вновь вернулась Берта к последним событиям. – Нож? Удар тяжелым предметом? Я даже не спросила. И фамилию следака не запомнила... Он назвался, точно, это я мимо ушей пропустила. О ссоре с Олегом придется рассказать сразу, скрывать бессмысленно. В какое время его убили? Я была в дороге или уже в поселке? И кто мог видеть, как я сажусь в машину и уезжаю? Гарантированно – Рита Юрьевна из пятой. Она как раз вернулась с пробежки, я из подъезда, она – в подъезд. Кивнула мне, скосила понимающий взгляд

на сумку с вещами. Это было ровно в семь ноль-ноль. А когда убили Олега? И кто его обнаружил, если дверь я захлопнула, когда выбежала на лестничную площадку?

Рите Юрьевне были слышны все наши ссоры, особенно когда Олег срывался на визг – кухонная стена у нас общая. И сегодня мы орали на кухне. Соседка, конечно, деликатно молчала при встречах, но я была бы даже рада, спроси она меня, что происходит. Три года уже живу в этом доме, два из них с Олегом. Просто как-то не было повода для более близкого знакомства с ней», – думала Берта.

– Алиби просчитываете, Берта Львовна? – услышала она голос Мутерпереля. – Могу подтвердить, что в семь сорок вы на синем «Фольксвагене» подъехали к вашему участку.

– Спасибо. Надеюсь, не понадобится.

– Опрашивать вас будут в любом случае. Кстати, и мне бы задать вам несколько вопросов. Может быть, сейчас? Неофициально?

– Чем я могу помочь?

– Вы же юрист, так? Наверняка сразу поняли, что останки в земле пробыли не меньше двадцати лет. Вот кольцо, найденное на левом безымянном пальце трупа. – Майор через плечо протянул пакетик.

– Никогда не видела ранее, – ответила она. – Не очень дорогое колечко, даже не серебро. А надписи внутри никакой нет?

– Нет. Как вы верно заметили – недорогое, простой ме-

таллический обруч. Кажется мне, что у моих родителей были похожие обручальные кольца, а поженились они в шестьдесят пятом году прошлого столетия. После свадьбы жили в том доме, где я обосновался. Впрочем, насчет колечка могу и ошибаться.

– Так вы – местный? – искренне удивилась Берта.

– А матушка вам еще не сообщила? А, впрочем, не до того сейчас. Да, Берта Львовна, я недавно решил обжиться в заброшенном родительском доме.

– Ностальгия по малой родине?

– Можно сказать и так, да, Аглая Андреевна? А вас в Самару не тянет?

– В Самару? Мама, ты же выросла в Риге. Я о чем-то не знаю? – вдруг насторожилась Берта.

– Господи, да ничего важного! В Самаре жила моя бабушка, я почти каждое лето проводила у нее. И мединститут окончила там.

– У тебя есть высшее образование? Ты – врач? – Берта смотрела в затылок замолчавшей матери. Не подавал голоса и майор. «Я в шоке. Всегда была уверена, что у мамы максимум – школьный аттестат. Ну, еще курсы сестринские какие-нибудь, уколы она делать умеет. Где же медицинский диплом? Никогда не попадался в ящике с документами. Офигеть какие новости. Просто день открытий. Что еще от меня скрывали? Боюсь представить... а вдруг Ксюха права и я действительно не дочь Аглаи Лапиной? Нет, не может быть,

в моем свидетельстве о рождении она записана матерью, и отцом – Лапин Лев Иванович. Сегодня же спрошу Ксюху, откуда она взяла эту чушь», – подумала Берта.

Они въехали в закрытый двор, образованный тремя новостройками. Решившись на оформление ипотеки, Берта долго выбирала район, риелтор показывала ей дома, находившиеся ближе к центру. Уже отчаявшись угодить капризной клиентке, неохотно предложила последний вариант. «Эти три дома давно обжиты, продается одна квартира – хозяева уезжают за границу. Но она на втором этаже. Вы же хотели выше?» – без всякой надежды спросила женщина. Берта согласилась на осмотр. И влюбилась в будущее жилище с ходу. «Когда жила одна, пусть наездами, мне было комфортно. Олег своим присутствием умудрился в скором времени лишить меня элементарных радостей – отдыха, ощущения покоя и независимости. Я всегда была готова услышать очередное оскорбление, критику того, что готовила, как накрасилась, что надела. Господи, почему я все это терпела?! Любила? Да, наверное. Тогда почему я сейчас чувствую облегчение, а не горе от потери любимого?» – с долей стыда за себя подумала Берта, выходя из машины.

Глава 5

Мутерперель отошел к своим, Берта застыла на крыльце подъезда, ожидая, когда к ней подойдет следователь. Аглая слышала, как мужчина, представившийся Берте капитаном юстиции Каниным Антоном Денисовичем, сообщил, что звонил ей именно он. Об Аглае все словно забыли – и дочь, и их новый сосед. Честно говоря, к Берте подойти Аглая опасалась, будучи уверенной, что расспросов не избежать, а какие могут быть сейчас разговоры, кроме как об убийстве Олега? Не время... Она бы и дальше молчала, потому как только тем и занималась последние двадцать пять лет, что стирала из памяти самарскую жизнь, обрывая накатывающие воспоминания. В итоге уже и сама начала сомневаться – а было? Было ли студенчество, был ли Осокин, обыск в бабушкиной квартире, укоризненные взгляды соседей, когда Аглая с дорожной сумкой в руках выходила из подъезда? Был ли Дмитрий, ночь их любви, горький рассвет и проводы на вокзале? Аглая посмотрела на Мутерпереля – вот он, тот изгнанный ею из квартиры следователь – живое доказательство, что от прошлого не сбежать даже в мыслях. Прикатило откуда-то прошлое в образе мужика цыганской наружности, явилось в дом, а за ним – беда за бедой...

Аглая проследила взглядом, как оба следователя подошли к Берте, Канин что-то сказал ей, дочь кивнула в ответ и за-

шла в подъезд первой. Аглая поспешила за ними, отметив, что майор застыл на пороге, глядя в ее сторону.

– Аглая Андреевна, не отставайте, а то потом проблематично будет пройти к месту преступления.

Мутерперель дождался ее у входной двери и пропустил вперед.

– Что, подвел вас, когда о Самаре спросил? Ну, простите, не знал, что держите дочь в неведении. Взрослая она барышня, тем более – юрист. Могли и рассказать ей все. Уже смысла нет скрывать те события. Да и что такого произошло? Вас эта история коснулась опосредованно, то есть один из преступников жил на птичьих правах на вашей территории. И все. Кстати, вам не интересно, что было дальше с Осокиным? Впрочем, давайте разговор о нем отложим на потом, мы пришли. Пройдите пока на кухню, незачем вам на труп смотреть.

«Какая забота. А я в анатомичке трупов не видела, да. Забыл, что я медик?» – с сарказмом подумала Аглая, сворачивая в боковой коридор.

Квартира ей нравилась планировкой, оформлением в пастельных тонах и огромной кухней-столовой. В доме Марковых, то есть теперь в ее собственном, кухонька была крошечной, не больше пяти квадратных метров. Кухарка Алевтина, имей хотя бы еще десяток лишних килограммов, уже с трудом протискивалась бы между плитой и столом. Холодильники размещались в коридоре в отдельной нише, дверь

в душное, несмотря на постоянно работающую вентиляцию, помещение была всегда открыта. Благо запахи проглатывала мощная вытяжка, установленная над газовой плитой. Трапезничали в комнате по соседству с кухней. Раньше в ней жила мать Осипа Макаровича. Умерла она задолго до того, как Аглая переехала на юг. Алевтина поминала женщину словом худым, но добрая ко всем людям Нюра оправдывала характер старухи тяжелой судьбой. И муж пьянь был, и сын чуть не спустил все наследство в карты. Не сломи его болезнь, и дом бы проиграл. О каком наследстве шла речь, Аглая могла лишь догадываться – деньги у больного хозяина на счетах были, причем немалые. И платил он сестрам и ей, Аглае, вовремя и прилично. Точнее, не он платил, а ее муж Лев Лапин, доверенное лицо Осипа Макаровича Маркова. Он же, Лев, и унаследовал дом, все наличные средства, счета в банках и даже старый «Мерседес» выпуска семидесятых годов. Сыну Дмитрию по завещанию не досталось даже серебряной ложки, на которой было выгравировано его имя, хотя ее, как Аглая знала от мужа, подарил Диме крестный отец «на первый зубок». Теперь всем этим имуществом по документам владеют Аглая и Берта. Только Аглая до сих пор ждет законного наследника...

Она села на диван, подумав, что Берте помощь не понадобится, как-то не могла она представить, что дочери станет дурно от вида крови или мертвого тела. А слезы, Аглая была в том уверена, Берта выплакала еще там, в доме. Только

непонятно, принесли они ей облегчение?

Иногда ей как матери было даже неловко перед Бертой – рыдая над сериалом, она ловила удивленный взгляд дочери. Однажды Аглая дождалась и замечания, высказанного с досадой и даже долей злости. «Ты бы так отца оплакивала, мама!» – упрекнула Берта, а Аглая застыла в изумлении: неужели помнит, что она не проронила ни слезинки в день похорон Льва? Да и потом... Нет, что могла помнить дочь, будучи тогда совсем крохой? Скорее всего, в ее память запали слова Алевтины, сказанные за поминальным столом: «Ты бы хоть для приличия всхлипнула разок! Застыла словно мумия». Берта сидела как раз между ними, наверняка слышала злой упрек. Аглая тогда не стала оправдываться, она мысленно благодарила Бога за избавление. Только кинув ком земли на крышку гроба мужа, Аглая до конца осознала, что закончился ее земной ад...

– Мама, его увозят. – Берта опустила голову рядом и положила голову ей на плечо. – Олега застрелили. Один точный выстрел в сердце, второй – контрольный, в голову. Ноль шансов выжить. Заказное убийство, работал профессионал. Так сказал Федор Николаевич. Я чего-то не знала о своем муже? Дичь какая-то: Олежек и заказуха. Он не олигарх и не политик. Просто неудачник. Мелкий торгаш и бабник... Подожди... а, если это из-за той женщины?!

– Кого ты имеешь в виду, дочь? – насторожилась Аглая, глядя на нее с тревогой. «Ну, только не сейчас! Пусть узнает

позже, когда успокоится. О том, что последняя пассия Олежка – ее школьная подружка Ксюша, девочка пока не догадывается, это – факт. Вот же засада! В два часа суд по разводу этой куклы с мужем», – вспомнила она слова Берты, хотела перевести разговор на эту тему, но не успела.

– Утром Олег объявил, что уходит к другой. Черт бы с ним, мам, но он на меня вылил столько грязи... заявил, что не любил никогда, что я не женщина, а проблема, то есть мы с тобой обе – его головная боль, две курицы с вывернутыми мозгами, то есть ты – идеалистка, а я – тупая дура, которая смотрит тебе в рот. Я ни черта не поняла, о чем он, но что-то щелкнуло в голове, что не просто так он истерит, вопросы начала ему задавать, мол, о чем это он? Он ответил так гордо, что полюбил настоящую женщину. И, если я буду ему сцены устраивать, уйдет к ней. Потом посмотрел на часы и вдруг как-то сразу сник, а в глазах – страх, даже паника. Заметался по кухне, то водички попьет, то холодильник откроет-закроет. А сам на входную дверь косится, словно ждет кого. Я ушла в спальню, вещи собрала и на выход. А теперь он – труп... Я, получается, вовремя из квартиры смылась? А то бы и меня? И кто теперь мне скажет, что происходит?!

– Следователь, Берта. Сама говорила, дело заведут.

– Ну, да... у меня, кстати, алиби. Убили Крушилина полтора часа назад, соседка Рита Юрьевна слышала глухие хлопки и тут же вызвала полицию. Собственно, она сама – бывший следователь, поэтому сразу поняла, что это – вы-

стрелы. Убийца успел убежать... странно, что его никто не видел... Впрочем, сейчас такой народ, что вмешиваться не будут, промолчат, чтобы не притянули как свидетелей. Да бог с ними. Точное время совершения преступления известно, я в это время была уже у тебя... на чьи-то кости старые любовалась.

– Берта!

– Ладно тебе... в чем-то Олежек прав... был – твоя тяга к порядочности и справедливости на грани идиотизма.

– Берта!

– Кругом все врут, подставляют друг друга, вот, даже убивают, а ты живешь в своем чистом мирке, никому ни вреда, ни пользы, никуда не лезешь, ни с кем не ссоришься, шьешь своих кукол, спрятавшись за высоким забором. Я все чаще задумываюсь, а нет ли какой причины для добровольного затворничества, мама? Что там Мутерперель говорил о Самаре? Что за история? Ты на юг, получается, сбежала? Убила кого или ограбила?

– Не выдумывай, – неуверенно проговорила Аглая.

– Другого ответа от тебя я и не ждала. Не сейчас, но ты мне расскажешь все, хорошо? Хотя бы затем, чтобы я смогла и дальше тебе, самому близкому для меня человеку, доверять. Мама, это же так естественно – не врать близким!

– Я тебя никогда не обманывала.

– Потому что я не спрашивала? Наивное оправдание, как будто ты нашкодивший ребенок, а я твоя родительница. Я

давно выросла, мам. И смогу и понять, и принять, и простить... если будет что прощать. Ладно, там заканчивают, скоро можно будет возвращаться в поселок. Черт! В два Ксюшкин суд. Нужно заехать, подать ходатайство о переносе заседания. Хотя много времени заседание не займет, там чистая формальность. Ладно, позвоню Ксюхе, напомним, чтобы не опоздала.

– Не нужно тебе ей помогать, Берта! Откажись! – решила Аглая и вздохнула.

– Не поняла, мам. Озвучь причину.

– Твой Олег изменял тебе с Ксенией Голод. Видимо, именно к ней и собрался уходить, – призналась Аглая.

Берта посмотрела на нее с недоумением и засмеялась. Аглая с болью наблюдала, как от смеха на глазах дочери выступили слезы, как она вытерла их ладонью, а потом снова захохотала, уже в голос. Обессилев, вновь села на диван и, схватив думку, уткнулась в нее лицом. Плечи вздрагивали, Берта плакала, Аглая села рядом, чтобы обнять... Вдруг Берта отбросила подушку в сторону, вскочила с дивана и схватила телефон.

– Ксюша! Нет? А кто? А... Ну, хорошо, передайте трубку отцу... Глеб Валентинович? Это Берта Лапина. Мне бы с Ксюшей поговорить, в два суд, но я не смогу присутствовать. Что вы сказали?!

Аглая успела подскочить к дочери и на лету подхватить выпавший из ее рук телефон.

– Берта! Что случилось?

– Дурдом на выезде, мамочка. Они жили... недолго, а умерли в один день! И даже в один час. Ксюша погибла в аварии, мам. Не справилась с управлением. Помнишь Чертову горку с крутым поворотом, за которым овраг? Не вписалась она в этот поворот, – вновь, но уже тихо засмеялась Берта.

Аглая видела, что этот смех очень скоро перейдет в истерику. Она силой усадила дочь на диван.

– Сиди, воды принесу...

– По какому поводу веселье, дамы? Или мне смех послышался? – Мутерперель появился на кухне в тот момент, когда Берта жадно пила воду из стакана, стуча зубами о его край. Аглая на следователя даже не взглянула.

Глава 6

«Господи, Ксюшка даже погибла, как и ее мать – за рулем». – Глеб Голод завершил разговор с подругой дочери. БERTУ он знал плохо, видел пару раз за всю школьную жизнь Ксюши. А вот с матерью ее, по слухам – затворницей, не сталкивался ни разу. Даже в тот день, когда он с какого-то перепугу решил посетить родительское собрание, Аглая Лапина в класс не пришла. Глеб вообще не понимал, как эта женщина попала в дом друга его детства Димки Маркова. Вроде сиделкой к его отцу наняли... только почему живет в доме до сих пор? Осипа Макаровича уже двадцать с лишним лет на свете нет, да и Димка где-то сгинул. Наследница? С какой стати, не родственница, кажется, а совершенно чужой человек...

Глеб переключил свое внимание на место аварии – из оврага доставали искореженную «Ауди» Ксении. И хотя тело дочери извлекли из машины и увезли в морг раньше, вдруг часто забухало сердце и потемнело в глазах. Состояние для него в последнее время нередкое...

У него словно случилось дежавю: вот так же, со дна этого же оврага, почти четверть века назад подняли «Мерседес» его жены Олеси – матери Ксюши. Олесе тогда едва исполнилось девятнадцать.

Глеб воспитывал Ксюшу со дня ее рождения, но искренне

полюбить девочку не смог. Кляня себя, он откупался подарками, которые год от года становились все более дорогими. Пока жива была его мать, она пыталась остановить поток его щедрости, пряча половину игрушек по кладовкам, а позже отдавая в детский дом. Глеб знал об этом, но молчал. Мать ему выговаривала, предупреждала, что избалуется девчонку. Он только отмахивался. Так и вышло. Мамы нет, Ксения замужем, можно бы и расслабиться, но в последнее время дочь все чаще просит денег и все реже бывает в поселке с мужем. Теперь уже старая ее нянька зудит, что он «портит девку, ни в чем той отказу нету». А он позорно отмахивается. Но и мать, и нянька любили Ксюху, а он...

Глеб почувствовал, как кто-то тронул его за плечо, и скошил взгляд сторону: местный участковый.

– Глеб Валентинович, та женщина из кафе, что принесла забытый вашей дочерью телефон, хочет вам лично о чем-то рассказать.

– Какое кафе? – машинально спросил он и, не узнавая, посмотрел на полную тетку, торопливо вышагивающую в его сторону.

– Так на горе которое. «Вершина» называется. По ее словам, Ксения Глебовна там бывала часто.

– Здрассти. Это там ваша дочь? – задала вопрос женщина, отдышавшись и кивнув в сторону людей, окруживших место аварии.

– Да.

– Конечно, не мой вопрос, могла и смолчать, но девушка у нас сегодня была не одна. Парень такой черноволосый, худой и высокий чуть позже подошел. А ушел почти сразу.

– Описать сможете? Подробнее, – попросил Глеб, сам не понимая, зачем ему сдался этот парень. Мало ли с кем Ксюша могла по кабакам шляться. Вот так он вдруг о ней подумал – вся в мать пошла, без тормозов совсем девица выросла.

– Так-то симпатичный, не урод. Нос, правда, малесь крючком, как у... ну, не знаю, грузина, что ли. Глаза какие, не скажу, волосья весь лоб закрывали, челка такая длинная, курчавая. Куртка – черная кожанка, косуха. Джинсы черные, на ногах – черные берцы. И еще на поясе маленькая сумка, на ней кошка белая, надпись – пума. Похоже – байкер, в руках шлем держал.

– Вот ты, Федоровна, прямо срисовала мужика! – с уважением высказался участковый. – Давай вспоминай еще.

– Да вроде нечего больше. На мужика парнишка не тянет, ему лет двадцать на вид, не больше. Хотя, мож, просто тощий.

– Они мирно говорили? Не ссорились?

– Нет, все спокойно. Да и разговор-то короткий был. Она – три слова, он ей два. И разбежались. Парень стакан безалкогольного пива выпил холодного, девушка – кофе.

– То есть она алкоголь не заказывала?

– Нет. Но... – замялась Федоровна, – да че теперь скрывать, с бодуна была. Не сказать, что с ног валилась, но запа-

шок шел. Она редко трезвой к нам заезжала. Кофе двойной выпьет, жвачкой мятной закусит и – за руль. Под горой гольцы стоят часто, видать, опасалась. Хотя че бояться-то с такой тачкой? Лимонов на десять игрушка... тьфу, извиняйте. Вы ж наверняка и купили, – с нескрываемым осуждением и ничуть не смущаясь выговорила тетка и добавила: – Если че, опознаю парнишку.

– Ты о чем, Федоровна? – насторожился участковый.

– О чем... крутился возле ее машины он, ну пару минут, не больше. Это уже когда вышел из кафе. Заметил, что я в окно на него гляжу, ухмыльнулся и вон пошел. Пешком! Может, к остановке, ее не видать от нас. А может, мотоцикл где-то притулил под горкой на обочине. Не знаю.

– Вы следователю почему об этом не рассказали?

– Сами решайте, говорить или нет властям. Могу все повторить и под запись. Жалко деваху вашу, молодая совсем. Только шальная. Вот жизнь, как сериал: и богатые тоже плачут. Не знаешь, че лучше – на зарплату весь свой век куковать или молодой в шикарной тачке смерть найти. Не обижайтесь за правду. Я не со зла...

– Спасибо за информацию... Федоровна.

– Тамара я. Сорокина по мужу. В кафе бываю посменно: по двенадцать часов, то с утра, то в ночь. Круглосуточно у нас, на трассе работаем, дальнобойщики порой и среди ночи заезжают.

– Тамара, а раньше Ксения с кем-нибудь встречалась в ва-

шем кафе?

– Да, случалось пару раз... но только тот мужчина солидный был, такой ухоженный, как с картинки. Лицо, на мой вкус, слишком смазливое. Но не муж он вашей Ксюше, точно! Любовник. Глаз у меня наметанный – она уж как на него смотрела! Не отрываясь. Он-то спокойней к ней, но тоже – то по ручке погладит, то волосы со лба уберет. Разъезжались на разных машинах. У него авто попроще, синяя иномарка, таких много.

– У вас камера наблюдения над входом есть? – неожиданно задал вопрос Глеб. Чем-то его задел рассказ официантки. Словно щелкнуло что-то в душе, словно связал он этих двоих незнакомых мужчин. Таких разных, но знавших Ксюшу. То, что у нее есть любовник, Глеб услышал от ее мужа Павла Дорохова. А вчера Глеб случайно узнал, что Ксения месяц назад подала на развод.

– Есть, как не быть, висит, – ухмыльнулась Тамара. – Только не работает уже года два как. Армен, хозяин, сам повесил, сам испортил.

– Зачем испортил?! – вмешался участковый.

– Мне не доложили... – вновь ухмыльнулась Тамара. – Пойду я, там уборщица за меня за стойкой. Бестолочь редкая...

– Спасибо, Тамара Федоровна, – еще раз искренне поблагодарил Глеб.

– Федоровна я вон для него, салаги, – она кивнула на мо-

лодного участкового, – а с вами мы почти ровесники, Глеб Валентинович. Я даже помоложе буду на три года. В одной школе учились...

– Извините, не помню. – Глеб виновато развел руками, при этом не чувствуя ни капли раскаяния.

* * *

– Аглая Андреевна, не по мужу ваша дочь убивается, так? Говорите! – Майор взял ее за руку и буквально оттащил подалее от Берты.

– Только сейчас узнали, что погибла ее школьная подруга Ксения Голод. Это случилось меньше часа назад. Не справились с управлением.

– Глеб Голод ей кем приходится?

– Отцом. Вы и с ним знакомы? – глядя на Мутерпереля с удивлением, задала вопрос Аглая.

– Учились в одном классе. Что вы так удивляетесь? Поселок наш маленький. Это сейчас его к городу присоединили, вон как много понастроено домов, даже две девятиэтажки на выезде. А в моем детстве было три улицы, три десятка хат. И до города – одиннадцать километров. В школу ездили на автобусе, из нашего класса трое пацанов – я, небезызвестный вам Дима Марков и Глеб Голод. У Глеба, кстати, сводный

брат по отцу в Самаре живет. Василий Валентинович Голод².
Никогда от Осокина эту фамилию не слышали?

– Нет! А должна была?

– Нет, конечно, если Осокин вас в свои дела не посвящал. Только именно люди Василия Голода стояли за той аферой с ценными бумагами, на которой погорел Осокин. Знаете что... мы не договорили с вами там, в беседке. Давайте-ка продолжим сейчас. Берта, похоже, заснула. – Майор кивнул на диван, Аглая обернулась: дочь, подложив под голову думку, лежала с закрытыми глазами. – Плед принесите. Кондиционер работает, застудится девочка.

Аглая бросила на Мутерпереля подозрительный взгляд, мол, откуда такая забота, но подчинилась и пошла в спальню за пледом. Квартира почти опустела – криминалисты закончили свою работу. Она заглянула в приоткрытую дверь гостиной: за столом сидели капитан Канин и незнакомая женщина в открытом сарафане. «Соседка Рита Юрьевна? О ней упоминала Берта как о бывшем следователе?» – подумала Аглая, двигаясь дальше по коридору. Когда она с легким одеялом в руках возвращалась на кухню, в гостиной уже никого не было. Зато в прихожей топтались и перешептывались двое – Мутерперель и Канин.

Она укрыла Берту – дочь действительно заснула, зарядила кофемашину и заглянула в холодильник. Обезжиренные йо-

² Василий Голод – персонаж романа «Свои чужие люди», изд-во «ЭКСМО», 2020 г.

гурты, полуторапроцентное молоко, упаковка хлебцев и две полки, забитые сырыми овощами. «Берта, верно, умом тронулась так питаться. Никогда не замечала за ней тягу к диетам. Да и на кой они ей, и так худоба зеленая. При Олежеке фасон держала? Ого!» – Аглая выдвинула нижний ящик: он был полон упаковок мясных и сырных нарезок. В отдельной секции лежала банка красной икры, лоток с соленой форелью и половина мягкого багета. Она сразу догадалась, что эти продукты потреблял сам Олежек. Аглая вспомнила, как дочь утром торопливо, один за другим, поедала оладьи. Накатила злость, она достала сыр и копченую колбасу, нарезала на куски багет и сделала десяток бутербродов.

– Какой аромат! А говорят, кофе из машины бесполезен. Да за один только запах можно душу продать, – тихо произнес Мутерперель. – Это вы мне?! – добавил он, заметив тарелку с едой.

– Присаживайтесь, Федор Николаевич, не завтракали наверняка, – просто ответила Аглая, разливая кофе по чашкам. – О чем вы еще хотели спросить?

– Спасибо вам, – с чувством поблагодарил он. – Я не спросить хотел, а сообщить. Но вы правы, на один вопрос я должен получить от вас честный ответ: когда вы последний раз видели Дмитрия Маркова?

– На похоронах его отца. Он приезжал на один день, даже не остался на ночь. Сказал, что скоро все закончится и он вернется домой насовсем.

– Вам сказал? Почему вам? Ну же, Аглая, смысла скрывать то, что вы были близки, нет. Я знаю, что ночь перед вашим бегством из Самары Дима провел у вас. Наблюдал я и ваше расставание на вокзале. Да не смотрите вы так! Моя задача тогда была – не дать убрать его людям Василия Голода. Дмитрий был главным свидетелем по делу. По сути, он сдал всех участников готовящейся аферы: Осокина и еще двоих – Фетисова и Стоцкого. Эти фамилии вам тоже незнакомы? Ну да, понятно... Итак. Фетисова отмазали тогда адвокаты Василия Голода, а сейчас он... Впрочем, не важно, кто он сейчас. – Майор брезгливо поморщился. – Стоцкий и Осокин получили по семь лет, потому что были доказаны еще два крупных мошенничества с их участием. Стоцкий после освобождения ударился в религию, а ваш бывший друг бомжует по подвалам. Не знали? Дмитрия Маркова после суда, согласно программе по защите свидетелей, мы спрятали в одном из сибирских городов.

– Я знаю, в Омске, – перебила Аглая.

– Проболтался Димка. А не должен был! Так вот, после похорон отца он в город вернулся, а через три месяца выехал в Самару, затем сюда, к вам. Об этом я знаю от него самого. Больше связаться с ним ни я, ни мои коллеги не смогли, Дима пропал.

– И вы его не искали? Что-то я не припомню, чтобы приходили из полиции и расспрашивали о нем.

– Местный участковый был у вас и спрашивал о Марко-

ве у вашего мужа. На обыск территории и дома санкций не было, а Лапин пояснил, что видел сына хозяина только на похоронах его отца. Сбил с толку и тот факт, что тогда по паспорту Дмитрия был куплен билет на поезд из Краснодара в Москву.

– А вы сами, Федор Николаевич, ни разу не приезжали сюда, чтобы узнать о друге? Что вдруг сейчас-то озаботились его пропажей?

– Были веские причины, по которым лично приехать я не мог, Аглая Андреевна. Просто поверьте мне на слово. А вы виделись с Димой еще раз после похорон Осипа Макаровича?

– Нет, не виделась...

– Мама, а не тот ли это гость, из-за которого вы с папой ссорились? – спросила Берта, привстав с дивана. – Я все слышала, но мало что поняла.

– Что за гость? Когда был? – сразу отреагировал Мутерперель.

– Это было летом, отец беседку ставил, помнишь? А мне исполнилось года три с половиной, наверное. Отец открыл калитку на стук, а меня прогнал в дом, но я заметила, что приходил мужчина с бородой. А потом вы с отцом кричали друг на друга, раньше такого не было, я испугалась. Может, поэтому этот визит остался в моей памяти?

– Да, приходил Дима, но я с ним не встретилась, потому что твой отец его прогнал. То есть, как потом объяснил мне,

Дмитрий ушел сам, но я не поверила.

– Почему, мама?

– Потому что я точно знаю, что Дмитрий приходил ко мне. Видимо, Лев убедил его, что у нас с ним настоящий крепкий брак, попросил не лезть в семью.

– И Дмитрий согласился? А вы приняли такое объяснение? – с сомнением в голосе поинтересовался Мутерперель.

– Мой муж умел быть убедительным, – вспомнила Аглая свое недолгое замужество и невольно вздрогнула.

– Он вас бил? – тихо спросил Мутерперель.

– Мама?!

Аглая молчала.

– Выходит так, дамы, что Лев Лапин последним видел Дмитрия живым, – констатировал майор.

– Вы думаете... мама сегодня откопала останки этого Дмитрия?! А... убил его – мой отец?!

– Я не исключаю эту версию, Берта Львовна, – отчеканил Мутерперель, с сочувствием глядя на Аглаю.

Глава 7

Берта тоже смотрела на мать. Стало ее жаль, до того потерянной, враз постаревшей она выглядела. Но жалость отступила, как только до Берты окончательно дошло, в каком вранье она жила до этого момента. И чтобы не передумать, она, отбросив сомнения, решила перейти в наступление. Пока матушка еще не очухалась и не придумала прекрасную лживую сказку о любящем муже. И кто ей этот Дмитрий, сын старого хозяина, которым Берту в детстве пугали вместо бабая? «Отведу к Осипу Макаровичу, если не будешь меня слушаться! Он тебя накажет!» – нередко повторяла мать. А Берта так ни разу и не видела хозяина дома. Сейчас вдруг оказалось, что у него еще и сын имеется. То есть имелся – в том случае, если это его труп прикопали в углу сада. И что-то у матери было с этим Дмитрием, не иначе.

– Мама, ты много рассказывала о жизни в Риге. Вот сейчас то самое время, когда можно поговорить и о Самаре, – решила зайти с этого конца Берта. Байками о том, как повезло с умной послушной дочерью ее бабушке Марте и деду Андрису, Берта была сыта.

Мать, словно спрашивая разрешения, бросила осторожный взгляд на Мутерпереля. Grimаса сочувствия на его лице сменилась легкой одобряющей улыбкой. «А Федор Николаевич ничего так, красавчик даже. На матушку смотрит, я бы

сказала, с нежностью. Впрочем, ей всегда нравились героини сериалов славянского типа – и волосы чтобы цвета соломы, голубые глаза, и ширь в плечах». – Берта на миг отвлеклась на майора, затем вновь повернулась к матери.

– Я уже говорила тебе, что каждое лето я ездила к бабушке в Самару. На два, а иногда и на все три летних месяца. Ничего особенно интересного в этих каникулах не было, жили мы с ней преимущественно на даче.

– Где располагалась дача? А сейчас она есть? – живо заинтересовался Мутерперель.

– Понятия не имею, я не была в Самаре четверть века! И в этой деревне Яровке тоже. Дачный дом – фамильное гнездо поволжских немцев Шувье.

– О, как интересно! Так у вас немецкие корни? А подробнее? – опередил вопрос Берты майор.

– Я могу лишь пересказать то, что знаю от бабушки. Ефросинья Емельяновна сама родом из соседнего с Яровкой села Малинино, из русской семьи, и девичья ее фамилия – Малинина. С Францем Шувье познакомилась на чьей-то свадьбе, он добивался ее два года, даже рассорился с родственниками. Поженились они вопреки воле родных с обеих сторон. Единственной, кто поддержала их, оказалась родная тетка Франца Марта Шувье. Она и приютила молодых в своем большом доме. Это было в тысяча девятьсот тридцать пятом, Францу и Ефросинье исполнилось по двадцать лет. В сорок первом, в начале осени, всех немцев Яровки за

несколько часов погрузили на подводы и увезли в неизвестном направлении. Бабушку не тронули, она была русской. В опустевшие дома немцев стали заселяться люди. Франц Шувье неожиданно появился на пороге в конце войны. Бабушка его прятала в подполе, правда недолго. Франца арестовали, но ей удалось укрыться в родном селе у родственников. Там Ефросинья родила мою маму. Назвала Мартой в честь той самой тетушки Франца. Позже ей с годовалой Мартой помогли перебраться в соседнюю область, так она попала в Самару, где устроилась на завод. В общем, рассказ этот я слышала всего несколько раз, бабушка не любила вспоминать прошлое, а может быть, просто опасалась. Я уверена, что даже подружки-соседки не знали, что первый ее муж был немцем.

– Подождите, а фамилия? Шувье? Никто не спрашивал, откуда?

– Сбежав в город, она ненадолго «сходила» замуж за очень пожилого мужчину. Можно сказать, Владимир Андреевич Соколов просто пожалел ее, устроил к себе на завод, главным инженером которого был. Женился, дал фамилию ей и дочери – мама в девичестве была Соколовой. И еще он прописал их в своей квартире. В той самой, где мы с вами встретились впервые, Федор Николаевич.

– Да, история... а я не знал, что у вас был еще и дом в Яровке. Осокин о нем знал? Кстати, где это?

– Недалеко от Энгельса. Нет, Стас о доме не знал.

– Так вы что, давно знакомы? – Берта с подозрением огля-

дела обоих. – Вы, господин майор, приехали к нам из Самары, я правильно поняла?

– Да, вернулся в родительский дом... доживать. Аглая Андреевна, очнитесь, – окликнул он задумавшуюся о чем-то мать. – И рассказывайте уже все. Дочь из вас душу вынет, если молчать станете. Так ведь, Берта Львовна? Кстати, и я бы послушал. Ваш взгляд на те события может оказаться любопытным.

– Какой взгляд?! Я сбежала сюда и тряслась первое время от страха – а вдруг ничего не закончилось? Вы хоть представляете, как это – из-за каждого стука в калитку прятаться в спальне хозяйина в надежде, что в помещении, где лежит больной, бандиты сунуться побоятся? Вы думаете тот, кто мне звонил в тот вечер, вот так просто от меня отстал, не пустил по следу своих людей? Кстати, а кто это мог быть, вы не в курсе? И почему мне угрожали? Какой смысл, если я ничего о делах Осокина не знала!

– Простите, Аглая, но вы преувеличиваете свою значимость. Вас просто припугнули, а сделал это, скорее всего, сам Василий Голод. В то время все, кому он доверял, уже были у нас, поэтому посылать по вашему следу, как вы выразились, ему было некого. На какое-то время из посвященных в его дела остался лишь его адвокат. Позже, как я вам уже говорил, адвокату удалось вытащить из камеры Фетисова. Мерзкий, я вам скажу тип, скользкий и наглый. Мы-то поначалу были уверены, что он такая же подневольная мел-

кая сошка, как и Осокин со Стоцким...

– Так, стоп! Вы в курсе, что я не в курсе?! – удалось вставить возмущенный возглас Берте. Оба: и мать, и Мутерперель – одновременно повернулись к ней, словно только что заметили ее присутствие.

– Вы обо мне забыли? Ничего себе, сколько эмоций! Между вами только искры не летают, такое напряжение. Мам!

– Давайте-ка, Берта Львовна, я вкратце расскажу эту историю, и вы сразу поймете, каким образом ваша мама в девяносто седьмом оказалась в наших благодатных краях. Как, Аглая Андреевна, не против, если начну с того, кем для вас был Станислав Осокин? Только извините меня заранее, говорить буду правду.

Берта видела, как неохотно ее мать выдавила из себя согласие, и по-прежнему ее немного жалела. Но Берта не могла избавиться и от досады – она, дочь, взрослая дочь, не ребенок уже, ничего не знала! Всегда была уверена, что мать прожила скучную жизнь. И если бы не вишневы прутик...

– Стас Осокин – первая серьезная любовь вашей мамы. Личность преступная, но наивная девушка об этом даже не догадывалась. Сколько лет вы на него убили, Аглая? Шесть. Вы никогда не задумывались, откуда у молодого парня столько денег? Уверен, что нет. А стоило. Осокин – мошенник с высшим образованием, даже с двумя – техническим и гуманитарным. Стихи свои он вам читал? Так себе стишочки, но для женских ушей – самое то. Жениться на вас он не соби-

рался. А знаете, почему? Да-да, был женат официально. Он москвич, не говорил?

– А дети? Были? – Мать смотрела на майора со страхом.

– Как не быть, женился он на однокласснице, как говорят – «по залету», в семнадцать стал папой очаровательной девчушки. Вы не расстраивайтесь, Стас из Москвы сбежал почти сразу после окончания университета, в восемьдесят восьмом, никто его не удерживал, просто по документам он оставался женат вплоть до своего ареста. Так вот. Все мошеннические банковские схемы придумывал он, Фирсов курировал, Стоцкий как налоговый был на подхвате по необходимости. А финансировал разработку схем Василий Голод.

– Как к ним в компанию попал Дмитрий? Я даже не знаю, чем он занимался...

– Чтобы было понятно и вам, Берта Львовна, Дмитрий Марков, сын бывшего хозяина теперь уже вашего с мамой дома, в последнюю схему, которую разрабатывала эта банда, попал случайно. Он жил тогда в Сызрани, это Самарская область. Его хотели привлечь как директора подставной фирмы. А занимался он, и весьма успешно, закупкой компьютеров и оргтехники в Европе, но безбожно мухлевал с налогами. Стоцкий нагрязнул с проверкой, ну а дальше понятно – альтернативой выплатам немаленького долга по налогам и огромного штрафа было предложено участие в афере. Дмитрий согласился, но, догадавшись, что его после свершения сделки попросту уберут, пришел ко мне. Я тогда работал в

прокуратуре.

– Почему к вам, Федор Николаевич?

– Потому что мы с ним дружим, можно сказать, с пеленок. Я, Дмитрий Марков и Глеб Голод.

– Василий Голод, Глеб Голод... не родственники случайно? Фамилия не из распространенных.

– Да, сводные братья, но это – их история, к нашей отношения не имеет, – отрезал Мутерперель.

– Ну, ладно, – слегка обиделась на неласковый ответ Берта.

– Продолжаю... Троих мы закрыли сразу: Фетисова, Стоцкого и Осокина, который на то время все еще квартировал у вашей мамы. Сердобольная Аглая никак не могла решиться на то, чтобы указать на дверь давно уже надоевшему ей сожителю. Так, Аглая Андреевна?

– Такие подробности можно и опустить. – Мать посмотрела на Мутерпереля с укором.

– Я лишь хочу сказать, чтобы было понятно вашей дочери – вы к делам Осокина отношения не имели, терпели его из жалости. Но арест и обыск состоялись в вашей квартире, так как другого убежища Осокин не имел.

– А где он сейчас? – Берта и сама не поняла, зачем задала этот вопрос: что ей до того Осокина?

– Бомжует, – коротко ответил майор.

Берта кивнула, давая понять, что вопрос для нее закрыт.

– Аглая Андреевна, расскажите дочери, что произошло

после того, как закончился обыск и мы ушли. О визите Дмитрия не забудьте.

– До его прихода, когда я убиралась, позвонил какой-то человек и пожелал мне сдохнуть. Потом, правда, пояснил, что имел в виду – молчать, как мертвой.

– Да, похоже по градусу наглости на Василия Голода... Испугались сильно? Почему не позвонили нам?

– А вы, Федор Николаевич, мне тогда ясно дали понять, что подозреваете меня в сговоре с Осокиным. Еще и повестку оставили.

– Вы ошиблись, я уже говорил. Осокин еще при аресте заявил, что вы ни при чем. И обыск ничего не дал: пустые бланки векселей, заполнить которые, а позже и обналичить в банке должен был Дмитрий, мы нашли в квартире Стоцкого. Когда Дмитрий пришел к вам?

– Поздно, около двенадцати.

– Как же вы решились открыть дверь незнакомому мужчине?

– А что, Дима вам не рассказал? Вы же друзья? Или не доверял полностью? Ладно, извините. Я ждала соседку, тетю Веру, сама просила ее зайти, потому что складывала в чемодан вещи, собираясь бежать. Да, меня напугал этот звонок, и вы, простите, тоже. Я решила уехать в Ригу, в родительскую квартиру, а ключи от этой оставить тете Вере. Кстати, ее дочь Надя до сих пор присматривает за квартирантами. Она единственная в Самаре, с кем я поддерживаю связь.

– Каким образом?

– Раньше звонила ей с Главпочтамта Краснодара раз в месяц. Последние годы – по мобильному. А что, это так важно?

– Вернемся к визиту Дмитрия, – не ответил на вопрос мамы майор. Берте даже показалось, он немного смутился. Но, наверное, показалось...

– Я отперла замок, будучи уверенной, что за дверью тетя Вера. Дмитрий втокнул меня в глубь прихожей, захлопнул дверь и зажал рукой рот, чтобы не заорала. А потом заговорил. Ему удалось убедить меня, что он мне не враг. Когда пришла тетя Вера, он спрятался в ванной комнате. Кстати, она была уверена, что я уезжаю в Ригу, и тем самым направила того мужика, который на следующий день расспрашивал обо мне, по ложному следу. Еще одна бабушкина приятельница подтвердила, что я еще утром с дорожной сумкой села в такси. Больше он у них во дворе не появлялся.

– Это был адвокат Голода.

– Я надеюсь, подробности проведенной с Дмитрием ночи я не должна расписывать? – с сарказмом задала мать вопрос майору, тот отрицательно мотнул головой, но Берта насторожилась.

– Что за ночь, мам? Прямо ночь-ночь? Любовь и все такое? – бестактно перебила она ее, уже готовую продолжать повествование.

– Господи, Берта, ну, какое это сейчас имеет значение? Тем более для тебя!

– Мама, я хорошо считаю в уме. Федор Николаевич несколько раз называл год твоего бегства – девяносто шестой. И было это летом, так? Я родилась одиннадцатого декабря. Как так-то? Значит, мой отец не Лев Лапин? И даже не Дмитрий Марков. А кто же? Осокин, больше некому... Как его там звали? Стас? Значит, я – Станиславовна на самом деле... забавно.

– Все не так, Берта, я... – выдавила из себя матушка, но Берта не дала ей закончить.

– Мне нужно переварить полученную информацию, мамочка. – Покачав головой, Берта торопливо покинула кухню.

Глава 8

Глеб подписал все бумаги в отделении полиции, затем заехал в офис, оставил распоряжения личной помощнице и отправился домой. Сегодня он уже больше никуда, это точно. Хотелось выпить, даже напиться, но не одному, а с кем-то близким. Вот только никаких близких у него и не было. Старая нянька Ксюши не в счет, да она сляжет с давлением сразу, как только он сообщит, что ее любимицы больше нет. Он сам сделает укол, как всегда было после очередной выходки дочери. Каждую «беду» с Ксюшей старушка переживает, как наступивший конец света. Выговаривает Глебу, что избаловал, потом винит себя, что «не доглядела», и в конце поминует непутевую Ксюшину мать. А после укола проваливается в долгий сон.

Он сам виноват, что все эти двадцать пять лет после рождения дочери никого не пускал в свою жизнь, а его дом был закрыт для гостей. С не задерживающимися надолго любовницами встречался в городской квартире, расставался легко, без сожалений. И все время чего-то ждал, какого-то чуда – вот завтра проснется и... а потом в доме будет тепло, душевно и по-простому. Чтобы в садовой беседке под старым, в пол обхвата толщиной абрикосом стол скобленного дерева без скатерти. А на столешнице – глубокие тарелки с борщом, а лучше щами, сметана в плошке из обожженной

глины, крупные ломти зернового хлеба в плетенке, порезанное тонко-тонко сало с прожилками – горкой на холщовой тряпице. И квас или компот в трехлитровом кувшине в центре стола. Так было при бате... Абрикос пришлось спилить, осталась только грибница поджердельников у подножия пня. Грибы эти местные жители за съедобный не считали, но мать такую жареху готовила из поджердельников с картошкой... А позже Глеб сам научился делать жульен... Беседку Глеб оставил на память, сколько ни уговаривала его Ксюша снести рухлядь, которая, по ее мнению, портила весь ландшафтный дизайн. И стол стоит, только ел он за ним считанные разы, поддавшись слабости в особенно тоскливые дни. Выносил поднос с обедом в беседку сам, на кухне налив щей в тарелку, квасу в стакан и прихватив пару кусков хлеба. Быстро утолив голод, торопливо возвращался в дом – обман все, нет возврата в детство и не будет. Легче не становилось, только грустное чувство потерянности сменялось досадой – и чего хотел добиться? «Женщину тебе нужно, хозяйку в дом, а Ксюше – мать!» – не уставала повторять нянька Полина, сама понимая, что все ее слова словно уходят в пустоту. Глеб отмалчивался, признаваясь лишь самому себе: чудо, которого он ждет, это – жена, непременно Богом назначенная, он поймет это сразу. Точно знал – будет она полной противоположностью Оксане, матери Ксюши.

Ему пятьдесят два, он уже седой, некрасивый мужик с наметившимся брюшком, да что уж там кривить душой – с

реальным животом и заплывшими жирком боками. Не олигарх, да... Просто приличного достатка ресторатор с недобрым к людям характером, суровый с подчиненными, неласковый с домашними, то есть с Ксюшей и ее нянькой Полиной. Одно достоинство неоспоримо – готовить любит и умеет хорошо. Его главной мечтой было – на первом же свидании накормить свою избранницу так, чтобы ахнула. А уж после – пожалуйста и букеты, и театры, и путешествия в заморские страны. Лет пятнадцать Ксюше было, когда Глеб подумал: нашел! Даже от мечты отказался, боялся, что его избранница столкнется в доме с его дочерью. Девчонка и так с раннего детства неуправляемая была, а в пубертате даже терпеливую няньку умело провоцировала на скандалы. А после сидела в телефоне, довольно улыбаясь и с презрением поглядывая, как старушка глотает успокоительное. К себе в городской холостяцкий быт Валерию, так звали женщину, пригласить было бы странно – вот когда Глеб пожалел, что квартирку приобрел первую попавшуюся, в стандартной блочной пятиэтажке на окраине. Мебель – дрова из Икеи, кровать выбирал по принципу – лишь бы куда усталое тело бросить после работы, когда уже сил нет садиться за руль и ехать в поселок. На кухне – необходимый минимум из одной кастрюли, одной сковороды, набора тарелок и столовых приборов все из той же Икеи. Короче, заходишь вроде бы в жилье, а попадаешь в демонстрационную секцию шведского гипермаркета. Тоска...

На первое свидание он привел Валерию в свой ресторан. Вот тут и выяснилось: ну точно, не Богом данный подарок она, а недоразумение – ковырялась его избранница в тарелках с кулинарными изысками вилкой, откидывая на край все самое вкусное. А потом с откровенным недовольством медленно жевала, что осталось в центре блюда – веточки зелени, кусочки маринованного огурца и листик салата. На десерт даже не взглянула, зато Глеб удостоился укоряющего взгляда – мол, как все это можно есть? Да, фигурка у Лерочки была точеная, но портили впечатление, видимо накаченные силовыми тренировками в спортзале, плечи – по-мужски широкие и мощные. А он было уже решил, что ради нее и сам запишется в фитнес-центр, чтобы подтянуть живот и избавиться от лишнего веса.

Проводил ее до такси с облегчением, закрыл дверцу, похлопал нетерпеливо по крыше машины ладонью, мол – трогай поскорее. И только тогда засмеялся над собой в голос – а нечего было планы строить. А то уже и фату на женщину мысленно примерил, и как дочери представить придумал, да и в свою широкую кровать в спальне уложил...

После этого неудачного романа еще сильнее захотелось, чтобы рядом появилась родная душа, но новых подруг Глеб старался в свои рестораны не водить, а пользоваться на их территории. Недостатка в замужних, неудовлетворенных гуляющими «по командировкам» мужьями не было, он только искренне удивлялся: как так-то? С ним чужие жены были на

ласку щедрыми, неутомимо активными и страстными. Чего мужьям-то не хватало? Но со свободными от брачных уз дамами Глеб принципиально не связывался.

Однако мечта вернулась, вылезла из глубин подсознания, сначала робко напомнив, что была. А к пятидесяти ближе начала уже назойливо подталкивать: ну сделай же хоть что-нибудь! Что он мог, кроме как съездить в далекие страны на теплый золотистый песочек, прожариться на беспощадном солнце до черноты и вновь закрутить романчик с первой же встреченной одинокой красоткой. Чтобы потом легко махнуть на прощание соломенной шляпой, улыбнувшись с легкой грустью, загрузиться в прохладный салон таксомотора, который повезет его в аэропорт.

Не случилось такой знаковой встречи до сих пор.

Был бы он у матери не один, сестру или брата бы родила – не столь важно, Глеб бы их любил – родная кровь. Или не факт, что любил бы? Ксюша вот так не стала для него любимой. Жалко ее, но боли, что должна быть от потери собственного ребенка, он не чувствует...

Глеб прошелся по дому, няньки Полины нигде не было. Вышел на задний двор – под навесом, где стоял ее велосипед, оказалось пусто. Глеб купил старушке модный трехколесный велик, с вместительной плетеной корзиной, отстегивающейся от багажника двумя легкими движениями пальцев, чтобы она наконец отдала сборщикам металлолома свой проржавевший транспорт. «На рынок в станицу понесло», – с доса-

дой подумал он, потому что сразу понял, что новость о том, что Ксюша погибла, Полина узнает именно там.

Номер звонившего, высветившийся на экране, был Глебу незнаком. Почему-то тревожно екнуло в груди, и он торопливо ответил.

– Слушаю. А... да, я понял. Спасибо за информацию.

«Тормозной шланг подрезан. Выходит – убийство?! Господи, да кому Ксюха помешала? Или кому-то выгодна ее смерть... Павлу, только ему. Что там сказала Берта – сегодня суд? Имуущество пополам? А зачем ему отдавать половину хорошо налаженного им же бизнеса бывшей жене? – ужаснулся догадке Глеб. – Мог Павел на такое пойти? А хрен его знает... И тот еще парень чернявый крутился у машины Ксюши. Кто он такой? Ему-то зачем ее убивать? Мотив? В любом случае, теперь будет расследование...» Его размышления прервал новый вызов. И вновь номер оказался незнакомым.

– Да, слушаю. Кто это? Федор... какой еще Федор? Мутерперель, ты, что ли? Неожиданно... В гости? Не вопрос, подгребай. Уже слышал? Соболезнуешь... Принимается... Нет, Федя, не несчастный случай, Ксюшу убили. И ты-то, старый сыщик, мне как раз и нужен! – с облегчением вздохнул Глеб, поняв, что в этой беде он один не останется.

Берта из кухни попросту сбежала. Чтобы не нагрубить матери в присутствии постороннего мужика. Хотя тот оказался более осведомленным о жизни Аглаи Андреевны Лапиной, чем она, ее родная дочь. Жесть. И отец не отец, а кто он? А матери кто? Муж, который, как выяснилось, еще и поколачивал любимую. Или не любимую? Сериал просто с флэшбэками главной героини. Только вспоминает матушка прошлое не по своей воле, а по приказу опять-таки постороннего мужика с фамилией Мутерперель. Соседа и следователя СК в одном замесе. Да еще друга детства Ксюшкиного отца и сына хозяйина дома, в котором Берта выросла. То есть бывшего хозяйина, потому что сейчас домом и участком земли владеют она и мать. По наследству от мужа-не мужа и отца-не отца. А кто вообще Лев Лапин бывшему хозяйину усадьбы? Да никто. Домоуправ. Странно, что родной сын Осипа Макаровича в наследство отца не получил ничего. Да и сам он неизвестно где. Или известно? Скелет, по случайности найденный матушкой, – все, что осталось от молодого тогда мужчины Дмитрия Маркова? А убийца – Лев Лапин, отец-не отец. У кого еще в то время была возможность незаметно закопать труп в садочке? Алевтина и Нюра тоже не в счет: обе в сад ни ногой, даже зелень и овощи с огорода в корзинке на кухню приносил отец. Матушка? Да куда ей с ее ростом и ве-

сом мужские трупы тягать? Невозможно представить... «И похоже, любовь у нее с Дмитрием случилась. Короткая, без продолжения. То есть я – не его дочь. А чья? Мошенника в прошлом, сидельца, а ныне бомжа Станислава Осокина. Супер. Мне – двадцать пять, и еще вчера я была мужней женой, каким-никаким адвокатом, думала, что имела родных маму и папу, которых любила обоих одинаково сильно. И еще у меня была подруга детства. Предали все: муж, Ксюха, мать. Они ввали, и все бы так и осталось тайной, если бы не Мутерперель с вишневым саженцем. Хотя нет, Олежек успел фактически признаться, что спит с другой, но кто она, даже не заикнулся. Более того, испугался вопроса. Кстати, а его матери кто-нибудь сообщил о смерти сына? Или это я должна сделать?» – озаботилась Берта. Переключив мысли на родственников покойного мужа, она заспешила на кухню.

Матушка и Мутерперель при ее появлении замолчали, но Берта успела услышать окончание фразы, сказанной майором, и в изумлении замерла у порога. «Ну, офигеть какой поворот!» – подумала она, но вслух, задавая вопрос, эмоций поубавила.

– Оказывается, я еще не все знаю... Что вы имели в виду, Федор Николаевич? – Из сказанных им слов Берта поняла, что Мутерперель был недоволен тем, что мать ее вновь «ввела в заблуждение».

– Если бы вы, Берта Львовна, не сбежали так поспешно, узнали бы правду до конца, – упрекнул ее майор и повернул-

ся к матери. – Ну же, Аглая, давайте поставим точку в рассказе о рождении девочки.

– Берта, присядь, не маячь. Ну, слушай. Отец твой – Лев Лапин. А родила тебя не я.

«Ксюха не врала... только ей-то откуда это известно было? А я, дура, ее не слушала!» – промелькнуло запоздалое сожаление.

– Когда я приехала в дом Марковых, Осип Макарович сразу поставил главное условие, выполнив которое, я смогу остаться у него. Мне требовалось выйти замуж за Льва и воспитать его ребенка, который должен был родиться только в декабре. То есть тебя, Берта. Я только задала вопрос: а что станет с твоей родной матерью после родов? Я очень испугалась, решив, что меня опять пытаются втянуть в криминальную историю. И отказалась сразу, даже дверью хлопнула, подхватила чемоданы – и вон из дома. У калитки меня догнал Лапин и попросил выслушать и его. Лев показал мне расписку твоей матери, в которой она отказывается от будущего ребенка, биологическим отцом которого является он. Лапин уверил меня, что ребенок ей не нужен был с самого начала, но Лев настоял, чтобы она родила. Очень хотел наследника... Я согласилась и на материнство, и на то, чтобы стать его законной женой. Ради ни в чем не повинного, еще даже не увидевшего свет малыша.

– А как же Дмитрий, мама? Разлюбила?

– Нет. И твоего отца честно предупредила, что буду ждать

Диму, а когда тот приедет, мы разведемся. Мы расписались. Оставшийся «до родов» срок я ходила с накладным животом, чтобы даже Аля с Нюрой ничего не заподозрили. Твоя мама в это время жила в краевом центре, мы ездили к ней часто, я как женщина пыталась уговорить ее не бросать ребенка. Лев всегда присутствовал при этом, но молчал, уставившись в стену. Мне казалось, он и сам не хотел, чтобы его бывшая любовница передумала. «Рожала» я вместе с твоей мамой, держала ее за руку. Все шло нормально, но в какой-то момент она вдруг резко побледнела и потеряла сознание. У нее открылось сильное кровотечение. Меня тут же попросили выйти из родового зала, хотя знали, что я врач. Мы с твоим отцом сидели в холле, ничего не понимая – беременность протекала без отклонений, роды начались в срок. Мне только оставалось догадываться, что могло произойти – эмболия околоплодными водами.

– Что это такое? – спросила Берта.

– Простыми словами – ответная реакция организма роженицы на некоторые компоненты химического состава внутренней оболочки плодного пузыря. Если роды стремительные или плод крупный, риск попадания жидкости в кровоток женщины увеличивается. Ты родилась весом четыре восемьсот...

– И убила свою мать?

– Не говори ерунды, Берта! Твою маму не спасли, потому что очень быстро развились анафилактический шок и силь-

нейшее кровотечение. Спасали тебя, ты выжила, все родовые показатели были в относительной норме.

– Я уже говорил вам, Берта Львовна, – не берите на себя лишнего, – некстати встрял Мутерперель. Берта наградила его злым взглядом.

– Как звали мою мать?

– Ольга Александровна Бойко. На момент родов ей было тридцать два года. Одно время она была сиделкой Маркова.

Берта молчала. Почему-то информация о той, кто ее родила, мало задела. Если бы биологическая мать не отказалась от нее еще до родов... может быть, что-то в душе и проснулось: если и не любовь, то уж сожаление о погибшей молодой женщине, точно. И фотографию бы ее повесила на стенку... Должны же остаться хотя бы какие-то снимки...

– Фото есть, мам?

– Только маленькое, как на паспорте. Твой отец оставил вместе с бумагами. Все лежит в бывшей спальне хозяина, в сейфе. Там же и свидетельство о смерти.

– Ни бабушки, ни дедушки по ее линии, как я понимаю, ты не знаешь. А квартира? Там ее вещи должны были остаться.

– Квартира принадлежала Льву, он ее потом продал, вещи отнес в церковь. Шкатулка с украшениями тоже в сейфе. Я обещала твоему отцу ничего тебе об Ольге не рассказывать...

– Знаете... я только успела свыкнуться с мыслью, что мой отец – аферист Осокин. Ан нет. Все гораздо круче! Я – дочь

убийцы! – нервно хохотнула Берта.

– Это вы поторопились с выводами, Берта Львовна. Вина вашего отца не доказана, – осадил ее Мутерперель.

Глава 9

Родители Глеба, Димки Маркова и Федьки Мутерпереля дружили. Все праздники – одной компанией, чаще всего в самом большом доме, принадлежащем Марковым. Как получилось, что трое пацанов, которые росли как братья, став взрослыми, даже не пытались встретиться? Глеб понял это не сразу, но как-то все же дошло: каждый из них троих таил обиду. Взрослели, появилось соперничество, разность интересов (свои, конечно, на первом месте) и тяга к противоположному полу. Всем троим нравилась одноклассница Алёна Белкина. Но поскольку она не замечала никого из них, всё разрешилось мирным путем (не фиг из-за девчонки мужскую дружбу рушить). Только в старших классах она все же начала встречаться с Марковым.

А потом пришла первая беда: осиротел Федор. Прогулочный катер, на котором отец с матерью вышли в море, затонул. Глеб с Димкой не присутствовали на их похоронах – были на сборах в спортивном лагере на Азовском море. Федор, скорее всего, не простил им этого. Потом не стало отца Глеба. «Что ты так жалеешь этого предателя?» – с презрением задал вопрос Марков, чем разозлил его. Они поссорились. Противная горечь осталась до сих пор: не имел права Димка судить его отца. И только Маркову, пожалуй, обижаться было не на что. Может, только по мелочам.

Федор Мутерперель уехал из поселка в какой-то волжский город поступать в школу милиции, даже не попрощавшись. Отбыла с ним и тетушка, воспитывавшая его после смерти родителей. Дом на пригорке, как было известно Глебу, оставался необитаем до сих пор.

Марков, золотой медалист, прямой дорогой отправился в МГУ. Узнать, как он там, Глебу было не у кого: родители Димы развелись, мать уехала на заработки в Италию, а отец к общению был как-то не расположен. Встреча с Димкой случилась лишь однажды в две тысячи первом. Странная такая, скомканная, и разговор напряженный. Глеб тогда подумал, что друг детства чего-то боится – тот все время оглядывался по сторонам. Потом наконец согласился сесть к нему в машину. За короткую поездку только и успели, что вспомнить Федора. Димка, как оказалось, знал, что Мутерперель живет в Самаре, работает следователем, женат и имеет сына. Он и сам когда-то обитал там же, а сейчас... тут Марков замолчал, потому что подъехали к его дому. Торопливо попрощавшись, пообещал вечером заглянуть «на рюмку чая». Глеб, отъехав недалеко, с удивлением наблюдал в зеркало заднего вида странную картину – Димка стучался в запертую калитку. «Ключа, что ли, нет?» – мелькнула мысль и тут же пропала – он опаздывал на деловую встречу. Дмитрия в гости Глеб в тот день так и не дождался... Разозлился, но на себя – давно же решил, что не друг ему тот, столько лет прошло, а вновь расслабился, чувство такое забытое появилось, когда

они трое – как целое. Заметил, что Марков не в себе, решил, что, когда придет тот вечером, выяснит, что за напряг у него, и... поможет. Не пришел... Бог с ним...

И сейчас Глеб вдруг вновь почувствовал, что какая-то невидимая нить по-прежнему связывает их троих, и он, черт возьми, рад этому неожиданному звонку Мутерпереля. Вспомнилось, что Федька – единственный пацан в классе, у которого никогда не было клички. Звали его по фамилии: кто с уважением, а кто – с затаенным страхом. Крут был Мутерперель на разборки, бил, не раздумывая, но и извинялся легко, если оказывался неправ.

Глеб решил, раз время обеденное, накормит он Федьку своим борщом. Если он правильно понял, Мутерперель сейчас в центре города, значит, минут сорок, пока тот доберется до поселка, есть. «Интересно, он надолго к нам с берегов Волги? Вроде работа у него там. Хотя за двадцать лет мог сто раз переехать куда угодно. Оставлю его сегодня у себя ночевать, не в развалюху же свою ему идти? Да... и нужно достать кое-что...» – подумал Глеб и полез на чердак, где в старом сундуке хранились их общие детские «сокровища».

Он вытащил на свет божий «оружие» – выструганные из деревяшек ножи, рогатки и настоящий трехгранный стилет. Под ними лежали другие вещи. Карта окрестностей поселка почти истлела. А жаль – именно по ней они искали «золото белогвардейцев», по слухам схороненное где-то на высоком берегу реки. Котелок, три алюминиевые кружки, три ложки,

три миски и складной нож. Смешно вспомнить, как с этим снаряжением отцы поймали их уже в лесу за мостом. Было им тогда по девять лет.

«Да на кой Федьке любоваться на это старье? – устыдился вдруг Глеб своего порыва. – Вот спросит, тогда и приведу его сюда».

Он сложил все обратно в сундук, опустил крышку. Подошел к слуховому окну. На крючке висел отцовский бинокль, Глеб снял с него паутину, протер и поднес к глазам. Из этого круглого окошечка дом Мутерпереля был виден как на ладони.

Доски, которыми была забита дверь, исчезли, а на веранде появились небольшой круглый стол и плетеное кресло. Глеб помнил этот стол. И кресел было четыре – летом эту мебель родители Мутерпереля выносили из сарая в сад под деревья. «Ба, да он уже обжился. Ну, Федька, что же сразу-то не пришел?» – слегка обиделся Глеб. Он уже хотел повесить бинокль на место, когда заметил, как открылась входная дверь дома и на веранду вышел человек в спортивном костюме. «И кто же это такой, если хозяин еще в городе?» – удивился Глеб.

* * *

Аглая даже улыбнулась – все, скинула с себя ношу, освободила душу от многолетнего вранья дочери. Полегчало?

Несомненно. Сколько раз она пыталась начать с Бертой беседу о ее родной матери? Не счесть! Только Берта словно своим внутренним чутьем избегала откровенных разговоров. Или Аглая виновата, потому что каждый раз заходила изда-лека – сначала скажет, как любит ее, потом заметит, что дочь повзрослела и может уже многое понять... Пока готовит почву для признания, Берта нетерпеливо выслушает прелюдию, потом, уже на бегу, бросит, что тоже любит ее, и со словами «давай, мама, позже поговорим, сейчас некогда», срывается с места. В пятнадцать, в восемнадцать лет... наконец, накануне свадьбы... И вновь – «мам, потом». Тогда Аглая и решила похоронить тайну – раз до сих пор не получилось душу облегчить, будет молчать до смерти. А тут Мутерперель со своими расспросами...

Аглая никак не могла определиться во мнении – нравится он ей или совсем наоборот. То, что раздражает – да. Впервые испытала что-то вроде ревности вчера, когда он вторгся в ее любимую беседку, да еще и сел ровно на то место лавки, которое обычно занимает Аглая. Словно вытеснил, да еще и дал понять, что это только начало – мол, не думай, соседка, я к вам надолго. Пусть не сегодня, но подружимся наверняка. Так что и чаем угощусь, и задушевно пообщаемся. Ей намек совсем не понравился. Некстати Дима вспомнился, который вломился в ее квартиру вот так же неожиданно. Она зачем-то мысленно сравнила этих двоих – не в пользу нового соседа, конечно. Аглая даже решила, что в следующий раз не откро-

ет ему калитку – пусть сразу поймет, что ему тут не рады. Но открыть пришлось уже сегодня ранним утром. И так профессионально он ее развел на откровенность, так ловко Берту подтянул на свою сторону, что Аглая даже на миг восхитилась. А сейчас смотрит на дочь и, замерев, ждет ее суда – мать она ей еще или уже нет.

Берта молчала, Аглая готова была расплакаться, но Мурперель напомнил:

– Дамы, пора домой. Собирайтесь, жду в машине. Вас доставлю, а у меня встреча. – Он вышел из кухни и закрыл за собой дверь.

– Мам, как думаешь, стоит рассказать отцу Ксюши, что она была любовницей Олега?

– А смысл? – пожала плечами Аглая. – Это что, такой важный для тебя вопрос сейчас? Ты об этом думаешь?

– А о чем я, по-твоему, думать должна?

– О том, что я тебе рассказала о твоих родителях! И как мы с тобой дальше будем жить?

– Ох, ну прости... Мам, ты как ребенок, ей-богу. Вот-вот расплачешься. Да что изменилось-то? Или я тебе вдруг не дочь теперь? Выкинешь меня из своей жизни, типа – ну и бог с ней?

– Нет! Ты что такое придумала?! Я тебя всегда любила!

– И я – всегда! Ну а тогда почему ты считаешь, что я должна вмиг отказаться от любимой мамы только потому, что узнала потрясающую новость: какая-то женщина меня

неохотно выносила и на свет родила? Давай решим раз и навсегда: все, что ты рассказала – любопытная деталь моей биографии. Не более того. А меня сейчас волнует только одно – кто убил Олега. Нет, не так. За что его убрали? И главное – чем это грозит мне. Мне начинать опасаться или жить спокойно, доверившись капитану Канину и майору Мутерперелю? Вот такая я у тебя эгоистка!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.